

Журнал зарегистрирован Министерством связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации
Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77 - 40505

Мир политики и социологии

№ 4, 2011

Санкт-Петербург
2011

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чибинев В.М., главный редактор журнала «Мир политики и социологии», декан факультета права и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, кандидат экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Бейдина Т.Е., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и политики Читинского государственного университета

Бродский М.Н., доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Гончаренко Л.Н., доктор философских наук, профессор

Глущенко П.П., декан юридического факультета Санкт-Петербургской академии управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный адвокат России

Крылов Д.А., доктор философских наук, доцент, заместитель руководителя исполкома Забайкальского регионального отделения политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

Мальшев А.В., заместитель руководителя управления по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент

Макаров А.В., директор Юридического института Читинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Масленников Д.В., проректор по научной работе Национального открытого института России, доктор философских наук, профессор

Никулин А.Г., начальник кафедры политологии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат философских наук, доцент

Оганян К.Н., доктор философских наук, профессор

Родионова А.К., доктор политических наук, профессор Байкальского государственного университета экономики и права

Швецов М.Ю., доктор педагогических наук, профессор, директор института социально-политических систем Читинского государственного университета

Шемелин А.В., заместитель главы администрации Читинского района Забайкальского края, кандидат юридических наук, доцент

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ**Социология права**

<i>Жиданов А.И.</i>	Социология права и проблемы формирования правового сознания	5
---------------------	---	---

Политика

<i>Нурышев Г.Н.</i>	Теоретико-методологические вопросы информационной геополитики	15
<i>Родионова А.К.</i>	Дуализм федерализма и его признаки	22

Правовые аспекты политических процессов

<i>Каримов Р.Р.</i>	Краткий очерк о современной полиэтнической среде в Республике Башкортостан.....	28
---------------------	--	----

Политическая власть

<i>Богомолов С.А.</i>	Федерация и империя как концепты территориальной организации государственной власти	32
-----------------------	--	----

Правовая политика

<i>Мусаев М.А.</i>	Восстановительное правосудие и проблемы медиации.....	39
--------------------	---	----

Социология

<i>Макаренко И.И.</i>	И.В. Каргель как один из основоположников социально-религиозного движения протестантов в России	44
Информация для авторов.....		48

CONTENTS**Sociology of law**

<i>Zhidanov A.I.</i>	Sociology of law and problems of legal consciousness formation.....	5
----------------------	---	---

Politics

<i>Nuryshv G.N.</i>	Theoretical-and-methodological issues of information geopolitics	15
<i>Rodionova A.K.</i>	The dualism of federalism and its characteristic features	22

Legal aspects of political processes

<i>Karimov R.R.</i>	.Short sketch about the modern polyethnic environment In Republic Bashkortostan	28
---------------------	--	----

Political power

<i>Bogomolov S.A.</i>	The Federation and the Empire as the concepts of the territorial organization of the state power	32
-----------------------	---	----

Legal policy

<i>Musaev M.A.</i>	Restorative justice and issues of mediation.....	39
--------------------	--	----

Sociology

<i>Makarenko I.I.</i>	I.V. Kargel as one of the founders of socio-religious movement of the Protestants in Russia.....	44
-----------------------	---	----

Information for the authors		48
-----------------------------------	--	----

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

ЖИДАНОВ Александр Иванович,
профессор кафедры социологии и политологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат философских наук, профессор
E-mail: zhdanoff@inbox.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматриваются социологические особенности правопонимания. Автор, формулируя и анализируя основные аспекты влияния социологии на теоретические подходы правопонимания, выявляет характерные признаки, обуславливающие влияние социологии права на формирование правового сознания личности на современном этапе развития общества.*

***Ключевые слова:** социологический тип правопонимания; правосознание; социология права.*

ZHDANOV A.I.

SOCIOLOGY OF LAW AND PROBLEMS OF LEGAL CONSCIOUSNESS FORMATION

***The summary.** The article discusses the sociological features of law awareness. Formulating and analyzing the main aspects of sociology impact on theoretical approaches of law awareness the author reveals the characteristic features which result in the influence of sociology of law on the formation of individual's legal consciousness at the present stage of society development.*

***Key words:** sociological type of law awareness; legal consciousness; sociology of law.*

Успехи в формировании зрелого гражданского общества и правового государства предопределяются не только провозглашением приоритета правовых норм в регулировании экономической, социально-политической и духовной жизни общества, не только прогрессивными изменениями в законодательстве и типе власти, но и в значительной мере степенью политического и правового сознания самых широких масс населения.

Формирование правосознания в обществе оказывается сложным процессом как по своему содержанию, так и по форме осуществления. Общество неоднородно. Оно представлено многими социальными группами, различающимися по национальным, конфессиональным,

профессиональным и иным признакам. Взаимоотношения людей внутри любой социальной группы регулируются посредством «неписанных законов» – исторически сложившихся моральных норм, традиций и обычаев, признаваемых ее членами. Различия в образе жизни людей, принадлежащих к разным социальным группам, приводит к тому, что каждый микросоциум формирует свое представление об идеальном типе личности, свой эталон одобряемого поведения и соответствующую систему морально-этических норм для регуляции и управления людьми внутри группы. Абсолютная приверженность ценностям «своей» группы, неприятие и отторжение ценностей других групп может приводить к вражде, гражданским конфликтам и

даже к вооруженным столкновениям. Например, национальная неприязнь – к геноциду, религиозная нетерпимость – к кровавым войнам, ненависть бедных и богатых – к революциям.

Для сохранения и поддержания мира в стране каждое государство стремится выработать единую для всех входящих в него социальных групп систему правового регулирования социальных, экономических, политических и иных отношений – трудовое законодательство, гражданское, уголовное, земельное, экологическое право и др. Разумеется, что невозможно разработать такое законодательство, статьи которого полностью удовлетворяли бы разнообразные и нередко взаимоисключающие претензии и стремления различных социальных групп, входящих в государство. Кроме того, наличие законов, как известно, не обеспечивает осуществления ими регулирующих, стабилизирующих, защитных функций, даже если по отношению к их нарушителям предусмотрены самые жестокие санкции. Законы действуют только в том случае, когда большая часть членов общества им подчиняется, даже если какие-либо положения их не устраивают. Только при обязательном подчинении всех субъектов общества гарантировано сохранение гражданского мира.

Правосознание – это система ценностных представлений, основанных на глубоком понимании роли законов и правовых норм в регулировании взаимоотношений между гражданами государства, между личностью, обществом и государством, под воздействием которых складываются внутренние личностные установки на подчинение этим нормам.

Процесс формирования правового сознания граждан проходит ряд этапов. Усвоение индивидом политико-правовых ценностей предшествующих поколений основывается на непрерывном обучении. Этот процесс идет на протяжении всей жизни индивида. Он осуществляется в семье, школе, социальной группе, трудовом или служебном коллективе. Интенсивность этого процесса различна в разные периоды жизни человека.

Политико-правовое сознание включает ряд функций: информационно-познавательную, ценностно-ориентировочную, установочно-нормативную и поведенческо-деятельную.

1. Информационно-познавательная функция нацелена на решение познавательных задач

в области политико-правовых отношений. Человеку передаются необходимые знания о государственном устройстве, политико-правовых отношениях, правах, обязанностях, санкциях за нарушение правовых норм т. п.

2. Ценностно-ориентировочная функция направлена на приобщение человека к функционирующей системе сложившихся политико-правовых отношений и ценностей. Благодаря этому у него вырабатывается своя индивидуальная система ценностных ориентаций в политико-правовом поле.
3. Установочно-нормативная функция нацелена на выработку собственных установок по отношению к возникающим политико-правовым ситуациям и выбор своего поведения.
4. Поведенческо-деятельная функция проявляется в конкретном политико-правовом поведении человека.

Механизм формирования правового сознания сложен и многомерен. Сложность этого процесса проявляется уже в том, что в однотипной социальной сфере при одинаковом воспитании уровень правосознания и поведенческая деятельность у разных индивидов может оказаться диаметрально противоположным. Один становится правопослушным гражданином, а другой закоренелым нигилистом в отношении права, правонарушителем или даже преступником. Исследуя этот феномен, ученые Франкфуртской школы Т. Адорно, Д. Левинсон и др. пришли к выводу, что различия в политико-правовом сознании людей предопределяются не только социально-экономическими статусами, идеологическими предпочтениями и политико-правовым воспитанием, но и являются собой «выражение самых глубоких предрасположений психологического характера» [1, стр. 280]. И это необходимо учитывать в процессе формирования правового сознания, который осуществляют различные институты общества и государства.

Процесс формирования правового сознания является результатом общекультурной, политической и правовой социализации, то есть целенаправленной деятельности различных субъектов общества и государства на приобщение человека к опыту, нормам и традициям правовой культуры народа. Правовое сознание выступает органической частью общей социализации личности. Политико-правовое сознание не только

обеспечивает вертикальную связь поколений, что является предпосылкой непрерывного функционирования политико-правовой системы общества, но и придает этой системе горизонтальную устойчивость.

Формирование правового сознания и его сущность в демократическом и недемократическом, например тоталитарном обществе, коренным образом различаются. В демократическом обществе формирование правосознания осуществляется на основе добровольного и осознанного согласия большинства населения неукоснительно исполнять правовые нормы и глубокого внутреннего убеждения, что только это обеспечит не только их личные права и свободы, но и гражданский мир и согласие в обществе. В тоталитарном обществе процесс формирования правового сознания осуществляется посредством насилия. Граждане принуждаются к исполнению правовых норм мощным аппаратом социально-политического контроля и насилия. Служба безопасности, полиция, армия и другие карательные органы осуществляют массовый террор и запугивание населения.

В ходе ликвидации или ограничения частной собственности происходит массовая люмпенизация населения. Индивид попадает в тотальную зависимость от государства, без которого подавляющее большинство людей не сможет получить работу, средства существования, жилище и т. п. Личность утрачивает всякую автономию и права, становится полностью беззащитной перед всеильной властью, подпадает под ее тотальный контроль. Тоталитарная власть делает попытку сформировать адекватный этому строю тип личности – «нового человека». Его определяющими чертами провозглашаются: беззаветная преданность господствующей идеологии и вождям, неукоснительное исполнение законов государства, скромность в потреблении материальных благ и готовность идти на любые жертвы ради «общего дела».

Тоталитарная модель общества покоится на ошибочных теоретических постулатах и отрицании таких достижений человеческой цивилизации, как свобода личности, уважение и защита прав человека, частная собственность, конкуренция и т. п. Этот строй разрушает среду предприимчивости, добросовестного инициативного труда, заменяет хозяина временщиком, отбывающим трудовую повинность, уравниловку и порождает массовое

социальное иждивенство.

Мобилизационное или тоталитарное правосознание способно подвести все население к «единому знаменателю», к единству мыслей, ценностей и действий. Но как только мобилизационная ситуация уходит, то рушится вся социально-экономическая и политическая система. Противоречия между различными социальными группами, сдерживаемые ранее при тоталитарном режиме обручами силы, принуждения и страха, теперь выходят наружу. Начинается война всех против всех. Но самое удивительное состоит в том, что тоталитарный строй рушится, а сформированное им правосознание продолжает жить в сознании и поведении многих представителей прежнего режима. Это обусловлено многими причинами: и эффективным тотальным политико-правовым воспитанием всех категорий населения, и закрытостью страны от внешнего мира «железным занавесом», и осознанием бесперспективности борьбы с режимом. Но не менее важным в живучести тоталитарного правосознания оказывается тот факт, как показывает опыт СССР, что за 70 лет функционирования тоталитарного режима основная масса населения страны привыкла чувствовать патерналистское, покровительственное отношение к власти и в новых условиях испытывает панический страх перед открывшейся личной свободой, конкуренцией и ответственностью за свою свободу.

В постсоветский период изменились места и роли прежних субъектов формирования политико-правового сознания, и появились новые. В советский период само государство выполняло функцию политической и правовой социализации, а семья, школа, вся система образования, профсоюзы, комсомол и другие организации выступали в роли ретрансляторов этой функции. В постсоветский период семья и школа утратили и эту роль, потому что изменилась роль самого государства, его функции и принципы взаимодействия с другими социальными институтами.

В новых условиях семья оказалась не готовой к формированию у подрастающего поколения правового сознания, соответствующего новой социально-экономической и идейно-политической реальности. Родители, чье мировоззрение и правосознание сформировалось в советское время и чьи образы для подражания были Павлики Морозовы, Павки Корчагины, молодогвардейцы, уже не претендовали на роль наставников в

понимании роли закона и права, поскольку сами перестали многое понимать в новой жизни. Тем более что молодежь осознанно и твердо отказывалась выступать простым преемником и транслятором старых норм, ценностей и образцов поведения, поскольку она их а priori не принимала.

Претензии школы заменить собой семью в процессе формирования гражданского и политико-правового сознания учащихся тоже не состоялись. Перестав быть государственным приоритетом, школа перестала быть флагманом культурной и правовой социализации молодежи. Социологические исследования свидетельствуют о следующем. Если хотя бы половина опрошенных выпускников школы считает, что семья активно или пассивно повлияла на формирование их этических и гражданских позиций, то отзывы о влиянии школы на эти процессы скромнее. «Так, 82 % отрицают участие школы в формировании этических идеалов, 82 % не считают школу причастной к формированию их мировоззрения, 81 % считает, что школа практически не сыграла никакой роли в формировании их интеллекта, 87 % считают школу абсолютно не причастной к определению их профессионального выбора» [6, стр. 202]. Сейчас ситуация в российском образовании осложняется тем, что рост необходимых затрат делает его все менее доступным для большого числа населения и превращает само образование в фактор социальной дискриминации.

Что касается участия школы в непосредственном развитии правосознания учащихся, то социологические исследования на эту тему приводят к неожиданным выводам. Например, учащиеся 7–9 классов, которым не преподавался школьный курс «Правоведение», показали положительную возрастную динамику развития правового сознания и его уровень оказался достоверно выше, чем у школьников, которые изучали этот курс в течение двух лет. Причем сформированность правосознания хуже всех развита у отличников. Смысл корреляций таков: чем больше у учащихся правовых знаний, тем менее законопослушными становятся их поведенческие установки [14, стр. 34]. У них избирательно стимулируется эмоциональное осознание прав, но не происходит рационального принятия обязанностей. Кстати, такое явление имеет место также среди студентов и представителей разных профессий старых поколений.

Дискредитированное в глазах общества советское

государство утратило моральное право выполнять функцию социализации граждан, в том числе и воспитания у них правосознания. Нормативно-правовая база постсоветского периода положила начало образованию демократических институтов народовластия, которые, по мнению новой либеральной власти, призваны были обеспечить формирование гражданского демократического правосознания в обществе. В 90-х годах в России гражданские движения переживали настоящий бум. Только политических партий на федеральном и региональном уровне было образовано около трех тысяч. В этот период возникли тысячи различных профсоюзных, молодежных, экономических, экологических и иных движений и объединений. Общественные организации как институты гражданского общества должны были способствовать вовлечению граждан в процесс разработки правовых норм с тем, чтобы они стали произвольными творениями государства, как при тоталитарном режиме, а выражением воли народа и соответствовали бы социально-экономическим, нравственным, культурным и иным общественным нормам. Естественно, что в таком случае абсолютное большинство граждан стало бы проявлять добровольную готовность подчиняться декларируемому закону, поскольку они обеспечивают защиту их прав. Именно при таких условиях, как полагал известный русский мыслитель И.А. Ильин, «возникает акт национального правосознания, национального самочувствия и самоутверждения, и из него вырастает исторически государственное правосознание и государственная форма народа» [7, стр. 127]. Однако демократические институты гражданского общества 90-х годов своей исторической миссии не выполнили.

Для подавляющей части политических партий и общественных движений и организаций 90-х годов доминирующими были установки на традиционное для России отрицательное отношение к формальному праву, его эмоциональное неприятие, противопоставляющее его морально-нравственным регуляторам, якобы способным обеспечить приоритетность этической категории справедливости. Процесс формирования правосознания рассматривался как процесс борьбы человека за его свободы и права. А само понятие правосознания противопоставлялось законопослушному поведению. Установки на подчинение закону воспринимались и трактовались

как пережитки тоталитарного правосознания. Социологические исследования 90-х годов показывают, что в исследуемый период в российском обществе доминирует «восприятие законов как аппарата репрессий, а прав личности – как полной свободы действий; отрицается юридическая ценность законов, они воспринимаются не как целесообразные принципы общественного устройства, а как произвольные предписания» [13, стр. 160]. Поэтому лидеры многих общественных объединений «приоритетными задачами своей деятельности объявили борьбу против государства, с целью его ослабления» [3, стр. 99].

Под флагом борьбы за гражданские права и свободы многие общественные организации лоббировали свои групповые и коммерческие интересы в ущерб другим социальным группам. Преобладающими выступают не публичные, легальные способы лоббирования, а тайные, негласные: личные связи с чиновниками различных ветвей власти, взаимные договоренности и соглашения между группами интересов, подкуп лиц, от которых зависит принятие нужных решений. С преобладанием личных связей публичная сфера общества становится менее восприимчивой к общественным интересам, а сами общественные организации, функционирующие по таким схемам, стали приобретать антиобщественную направленность. Поэтому ни добровольный, ни автономный принцип самодеятельных организаций и объединений объективно не давал оснований считать их элементами гражданского общества. «О принадлежности тех или иных учреждений к гражданскому обществу, – отмечает В. Виктюк, – нельзя судить по одним лишь формально-организационным признакам. Эта принадлежность устанавливается при учете конкретной общественной роли и реальных функций... Направлены ли они на осуществление общественных потребностей, или имеют прогосударственный или, наоборот, антигосударственный смысл» [4, стр. 65].

Среди общественных организаций, которые не соответствовали демократическим критериям и представляли угрозу гражданскому обществу и государству относились различные мафиозные структуры, криминальные группы, ассоциации националистического и шовинистического толка, религиозные фанатики и радикальные экстремистские организации, мотивом объединения которых были преступные цели.

Ментальность членов преступных сообществ отрицала не только правовые нормы, но и все социальные нормы, сложившиеся в обществе. Преступные сообщества, отмечает Говард С. Беккер, «порождают преступность, создавая такие нормы, нарушение которых характеризуется как девиантность, и применяя эти нормы к конкретным лицам, которые, таким образом, оказываются аутсайдерами. С этой точки зрения отклоняющееся поведение выступает не как свойство деяния, совершенного человеком, а скорее как следствие применения к человеку другими лицами норм и санкций, превращающих его в правонарушителя» [5, стр. 218].

Особую роль в структуре формирующегося гражданского общества в постсоветской России играли неправительственные и некоммерческие организации, созданные на средства западных государств и влиятельных зарубежных фондов. К примеру, в американском «Акте о российской демократии за 2002 г.» отмечается: «Благодаря осуществляемым под эгидой правительства США программам..., начиная с 1992 г., в самой России возникло 65 тысяч неправительственных организаций, тысячи независимых органов СМИ (несмотря на противодействие со стороны российского Правительства) и многочисленные политические партии» [12]. В 2001 году на финансовые средства зарубежных стран в России было создано более 300 тысяч некоммерческих организаций, включавших почти 3,5 млн. активистов. Услугами этих НКО пользовалось почти 15% населения страны [10, стр. 48, 54]. О негативном влиянии многих прозападных неправительственных организаций на формирование национального правосознания россиян могут служить политические заявления и действия самой заметной сейчас организации «Другая Россия», которая претендует на роль непримиримой оппозиции нынешней российской власти.

Практика показала, что высокая гражданская активность, проявлявшая себя в 90-е годы вне правового поля, содействовала углублению фрагментации, неконтролируемому противоборству, усилению социальной напряженности и затрудняла процесс консолидации общества. Активность разных субъектов гражданского общества препятствовала формированию общего интереса, духа национальной общности и национального правосознания.

Это привело к разбалансированности системы государственного управления, ослаблению федерализма и усилению сепаратизма, расцвету коррупции, к нравственно-психологическому и духовному кризису общества. Реализация либеральных реформ, сулившая гражданам страны блага свободы и процветания, оказалась для них драматичной, что стало причиной отчуждения больших масс населения от участия в общественной жизни и усиления правового нигилизма.

Итак, социально-экономические и политические преобразования в постсоветской России показали несостоятельность леволиберальных представлений о необходимости ослабления государства и бесконтрольного расширения возможностей самостоятельных организаций гражданского общества. Многообразные и активные институты гражданского общества сами по себе не способны преодолеть социальные расколы, достигнуть социального и политического согласия. Тем более что многие его структуры преследовали отнюдь не демократические цели. Известный специалист по проблемам гражданского общества Г.И. Ванштейн отмечает: «Представление о том, что массы, включенные в независимые объединения, добивающиеся реализации своих интересов способны сами по себе, благодаря этой включенности, сформировать демократически ориентированное гражданское общество, руководствующееся здоровыми принципами правового демократического государства, является ложным представлением... И надежды на самосовершенствование этих масс, а с ними и гражданского общества – это не более чем утопия, своеобразное толстовство. Необходимы внешние силы, которые способствовали бы такому совершенствованию» [3, стр. 102].

Для преодоления системного кризиса и тотального правового нигилизма необходимо было коренным образом изменить распространенную в обществе и утвердившуюся в либеральной культуре точку зрения на гражданское общество о том, что оно будто бы составляет негосударственную сферу, которая защищает интересы, права и свободы независимо от государства и даже вопреки ему.

Провозглашенная Президентом России В.В. Путиным политика на укрепление вертикали власти положила начало теоретическому обоснованию приоритета права во взаимоотношениях государства и гражданского общества. В отличие

от 90-х годов стала признаваться юридическая ценность закона в качестве целесообразного принципа общественного устройства. Правовое воспитание граждан фокусируется на обоснование положения, что вне правового поля гражданское общество не может успешно развиваться по демократическому пути. Гражданское общество – это система отношений, защищенных правом. Это система отношений между гражданами, между организациями, между человеком, обществом и государством, а также между капиталом и трудом, регламентированная правом и гарантированная силой и мощью государства. Слабое государство не способно обеспечить устойчивое правовое поле для эффективного функционирования гражданского общества без потрясений и войн.

Коренной поворот в понимании властью характера взаимоотношений гражданского общества и государства настоятельно требовал создания соответствующих этому пониманию методов властвования, способных обеспечить оптимальный баланс механизмов саморазвития общества и государственного регулирования. Политическая система начала 2000-х годов характеризуется усилением федерального государства, равноудаленностью олигархических групп от власти, повышением регулирующей роли государства в социально-экономической сфере, сменой приоритетов в региональной политике, реорганизацией судебной системы, реформированием государственного административного аппарата.

Укрепление государства сопровождается усилением его взаимодействия с гражданскими институтами. Так, в 2004 году по инициативе Президента Российской Федерации был организован Гражданский Форум, который призван «усилить контроль граждан над процессом принятия решений». Произошло усиление общественно-политической роли политических партий, общественно-политических движений и организаций вследствие уточнения законодательной базы о принципах их институализации и функционирования. Государство осуществляет поддержку институтов гражданского общества, содействует формированию партий системы, состоящей из сильных, поддерживаемых обществом политических партий. В январе 2006 года принят Федеральный закон об Общественной палате РФ. Ее создание представляет собой попытку власти создать эффективный канал

для трансляции общественных интересов в функционирующую систему.

Министерство юстиции предлагает выделить почти 80 млн. рублей на пропаганду правовых знаний и оказание бесплатной политической помощи неимущим гражданам через государственные бюро. При содействии Ассоциации юристов России уже открыто более 200 юридических клиник при вузах, открываются центры правовой помощи и правовой пропаганды при региональных представительствах ассоциации. Все эти и другие мероприятия государства и общественных организаций направлены на повышение правовой культуры граждан, глубокое понимание ими своих прав и обязанностей, на повышение их активности в управлении делами общества и государства, а следовательно, на повышение их правового сознания.

Однако усилия государства по активизации гражданского потенциала не находят адекватного отклика в обществе. В России способность граждан к автономному и эффективному во имя достижения общих целей находится на критически низком уровне. Как с горечью отмечает заместитель секретаря Общественной палаты Михаил Островский, «до сих пор лишь 7 % граждан участвуют в общественной жизни страны. Слава богу, что еще 26 % готовы к ним примкнуть. Поэтому важнейшая задача – активизировать общество. Мы должны убеждать скептиков, что участие в общественной жизни может принести реальные результаты...» [9, стр. 11].

Это обусловлено многими разноплановыми причинами и, прежде всего, психологическими особенностями русского народа, сформировавшимися в глубокой истории. Как заметил Н.А. Бердяев «Россия – самая безгосударственная, самая анархичная страна в мире... Анархизм – явление русского духа...» [2, стр. 298]. Корни современного правового нигилизма лежат не только в глубокой истории страны, но и в современной жизни. Народ продолжает жить в убеждении, что правовыми средствами нельзя добиться своих целей.

Далее, в России традиционным является недоверие общества к власти. Поэтому приглашение гражданских структур властью в качестве контролера над ее деятельностью оценивается большинством населения не более как средство обеспечения ею своей легитимности. На практике материальная и организационная помощь, поддержка со стороны государства общественным

организациям зачастую оборачивается изменением их природы, «превращением их в инструменты контроля над обществом, а не наоборот. Да и странно было бы ожидать, что носители власти или капитаны бизнеса будут активно стимулировать активность тех, кто будет их контролировать за их же деньги» [11, стр. 422-423].

Одной из причин политической и гражданской пассивности россиян является то, что правосознание подавляющего большинства из них сформировалось в доперестроечное время, и его типичные характеристики практически не изменились. То есть индивид и в новой политической системе продолжает чувствовать себя всецело зависимым от государства, лишенным права на автономию, способным только исполнять властную волю. Он даже не пытается заявлять о своих правах и тем более влиять на принятие решений властью. Кроме того, в обществе наблюдается низкий уровень правовой культуры.

Отчуждению общества от власти способствовала политика государства, которая привела к резкому расслоению общества и противопоставлению небольшой кучки богатых и сверхбогатых людей с одной стороны, и основной массой населения, с другой стороны. Сейчас у российских граждан наблюдается отход от уравнилельной психологии к более реалистическому и позитивному восприятию социального расслоения. В настоящее время недовольство вызывает не само неравенство, а наиболее явные, вопиющие его проявления. Непрерывающийся рост социального расслоения и трудности кризисного периода усиливают негативный образ богатства, нажитого нечестным путем. Хотя в последнее время «за» пересмотр итогов приватизации высказывается не более 30 % населения, но противоречие между богатыми и бедными занимает лидирующее положение в иерархии межгрупповых конфликтов.

В российском обществе еще жива имперская традиция – вера в царя или президента, способного навести порядок. Эта традиция заявляет о себе всякий раз, как только для этого появляются необходимые условия. Политическая практика 90-х годов, сопровождавшаяся политическими лозунгами, подорвала доверие не только к власти, к институализированным структурам гражданского общества (политическим партиям, профсоюзам, общественным движениям, некоммерческим организациям и т. п.), но и к самой демократии. Общество, уставшее от тяжелых последствий

неоправданно радикального разрушения всего уклада жизни, от произвола чиновников, криминального беспредела, неспособности гражданских структур обеспечить обещанный демократический порядок, а зачастую и прямой обман с их стороны с целью удовлетворения групповых интересов, все больше впадает в апатию и апеллирует к «сильной руке», способной навести общественный порядок.

Подлинно демократические институты власти не могут состояться без высокого доверия к ним со стороны общества, без признания их в качестве определяющих правовых механизмов решения возникающих проблем. Но такое доверие возможно только при наличии у большинства граждан высокого уровня правового сознания, т. е. когда они проявляют глубокую приверженность к нормативным порядкам и правилам, устраивающих их в качестве регуляторов общественной жизни. Пока же у большинства граждан не сформирован уровень правового сознания необходимый развитому демократическому обществу, главным фактором политической стабильности общества является авторитет Президента, который восполняет слабость существующих институтов власти. Показательно в этом плане, что рейтинг доверия главы Правительства РФ В.В. Путина превышает 70 %, а рейтинг доверия возглавляемого им Правительства с трудом превышает 10 %, как и рейтинг законодательной и судебной властей.

Показателем низкого уровня правосознания служит тот факт, что только 52,5 % опрошенных россиян готовы соблюдать все законы. Остальные уверены, что к соблюдению законов надо подходить избирательно. Такого мнения придерживаются даже около 30 % работников законодательных органов. Многие считают, если государство не способно обеспечить порядок, то нет необходимости выполнять законы, а их нарушение гражданами следует считать оправданными. Допустимым признается взяточничество, неуплата налогов, присвоение государственного имущества и т. д. Почти 30 % будущих юристов также оправдывают незаконное присвоение госимущества, ссылаясь на то, что «так принято в обществе».

Невосприимчивость власти к сигналам «снизу» мешает укреплению взаимодействия государства и общества. Например, общество требует ликвидации рекламы табакокурения, пива, ужесточения наказания за педофилию и т. п. Но власть игнорирует интересы граждан. Воля

пивных и табачных королей оказывается сильнее воли общества. Между тем известно, что граждане только тогда добровольно исполняют правовые нормы государственной власти, когда видят в них отражение своих интересов. Гарантией принятия таких норм в качестве справедливых является наличие работоспособных промежуточных звеньев между гражданами и государством – институтов гражданского общества. Только при этих условиях критерии справедливости государственной власти, выраженные в правовой норме, согласуются с критериями справедливости, принятыми в повседневной жизни большинства граждан. Поэтому конструктивное посредничество институтов гражданского общества между гражданами и государством обеспечивает не только передачу, представление неформальных норм на уровень норм официального права, но и их универсализацию, то есть принятие их в качестве справедливых и обязательных для исполнения всеми членами общества. И самое главное, что при таком соотношении права и закона не только государство, но и само общество ревностно следует за исполнением норм права гражданами, обеспечивая тем самым повышение уровня их правосознания.

Однако современное российское общество не признает регулирующей роли закона. Социологический опрос 1110 представителей разных профессий Москвы, Санкт-Петербурга и др. городов показал, «что практически никто не доверяет существующим законам. Из 1100 опрошенных респондентов только единицы с доверием относятся к существующим законам. Из 1110 опрошенных респондентов только единицы с доверием относятся к существующим законам. Таковых не оказалось среди гуманитариев, журналистов, бизнесменов, биологов и безработных. Не доверяют существующим законам даже абсолютное большинство представителей власти» [14, стр. 49]. Причем оценка законов осуществляется с морально-этических позиций, что дает возможность каждому решать, какой закон хорош, какой плох, какие из них следует выполнять, какие нет.

Существующие расхождения между декларируемыми и реальными правами граждан также являются поводом для скептического отношения значительного числа людей по поводу регулирующей роли законов государства. Многие из россиян, кто непосредственно на себе испытал

действие наших законов, склонны подчеркивать их негативную роль. Только 15,5 % опрошенных отметили положительное влияние законов на организацию деятельности и 26 % считают, что существующие законы защищают их права. Значительно большее число опрошенных заявили об отрицательном влиянии законов на их жизнь. Из них 21,3 % считают, что законы им мешают, 31,4 % – унижают, 36,1 % – дезориентируют, 39,0 % – заставляют обходить, а 42,1 % респондентов заявили, что законы тормозят организацию деятельности [14, стр. 51]. Естественно, что подобное негативное или индифферентное восприятие законов мешает формированию и укреплению правосознания россиян.

Проблема дальнейшего развития правового сознания является заботой всех субъектов российского общества, наделенных исторической ответственностью. Мера ответственности исторических субъектов определяется местом и функциями субъектов в системе общественных отношений. Особая ответственность в решении рассматриваемой проблемы лежит на государстве, единственно способным создать благоприятное правовое поле для дальнейшего развития гражданского общества.

Российское государство проявляет готовность к более эффективному использованию партнерских механизмов взаимодействия с гражданским обществом. Так, в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 2009 году заявлено о необходимости «доверять все большее число социальных и политических функций непосредственно гражданам, их организациям и самоуправлению». Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года значительное внимание уделяет развитию механизмов взаимодействия государства, населения, бизнеса и структур гражданского общества. Государство обязуется оказывать «поддержку самоорганизации граждан, объединяющихся с целью совместной защиты своих конституционных прав, контроля над деятельностью государственных и муниципальных органов, взаимопомощи и добровольного участия в решении социальных проблем, развития образования, здравоохранения... Получат развитие механизмы взаимодействия органов власти с гражданским обществом, в том числе общественная экспертиза готовящихся решений, общественные советы и слушания. Существенно возрастет роль

изучения общественного мнения в определении приоритетов политики государства и оценке деятельности органов власти» [8].

Обязательства государства не должны оставаться декларацией о намерениях. Чтобы сохранять и наращивать доверие общества, государству необходимо и дальше двигаться по намеченному пути в решении социально-экономических задач и политико-правовых проблем. Прежде всего, необходимо остановить тенденцию роста социальной поляризации, снизить долю населения, находящуюся на грани выживания. Ведь неправомерно рассуждать о политическом и правовом равенстве, о развитии политического и правового сознания, если сохраняется масштабное экономическое и социальное неравенство, принуждающее часть общества заниматься тем, чтобы бороться за элементарное физическое выживание. Чтобы повысить свой авторитет, власть должна не на словах, а на деле научиться исполнять волю граждан и добиваться реализации в своей деятельности таких принципов правового государства, как верховенство закона, один закон для всех, ответственность государства перед личностью и реальное обеспечение ее прав и свобод.

В свою очередь, гражданское общество должно следить за тем, чтобы ее многочисленные самостоятельные ассоциации не осуществляли деятельности, направленной против государства и других ассоциаций, чтобы не было соперничества между гражданскими ассоциациями за право представлять народ, или попытку захватить власть неконституционным путем. Гражданское общество, опираясь на социальные нормы, должно следить за тем, чтобы граждане, обладающие свободами и правами, выполняли свои обязанности и несли ответственность за свои поступки как перед гражданами, так и перед государством и его законами.

Для развития правового сознания необходимо формировать в общественном мнении доминирующее представление о необходимости тесного взаимодействия гражданского общества и государства. Необходимо убеждать массы в том, что гражданское общество объективно нуждается в сильном государстве, которое не позволит опрокинуть себя политическим переворотом, превратиться в диктатуру и начать репрессии против него; и что, в свою очередь, государство также нуждается в развитом гражданском

обществе, потому что именно гражданское способно не только поддерживать традиции и мораль частной жизни, но и активно формировать правовую культуру и правовое сознание.

Необходимость взаимозависимости гражданского общества и государства подтверждена всей историей и практикой постсоветской России. При слабом гражданском обществе государственные функции утрачивают свои властные силы, а само государство теряет возможность превратиться в правовое государство. И, наоборот, при зрелом гражданском обществе государство неизбежно обретает способность быть правовым. Гражданское общество и правовое государство способны образовать единый социально-правовой континуум, в котором гражданское общество обеспечивает ценностные аспекты социального бытия граждан, а государство – нормативные. Правовая культура и правовое сознание выступают прямым результатом их взаимодополняемости.

В таких условиях правовое сознание личности является не результатом угрозы

санкций за неисполнение закона, а результатом ее приверженности принципам общей воли. Правосознание не ограничивается уважением человека к Закону. Оно включает проявление интереса и внимания к общественным делам, что находит свое выражение в осмыслении публично значимой информации и действиях в политико-правовой сфере. Человек с развитым правовым сознанием характеризуется добровольным участием в служении коллективу, частью которого он является, и обществу. Такой человек способен защищать свои конституционные права и выполняет свои обязанности перед обществом и государством. Человек с развитым правосознанием обладает чувством гражданского долга, который предписывает ему вполне определенное поведение, в том числе и поведение, связанное с признанием существующего общественно-экономического и политического порядка. В России личность с развитым политическим и правовым сознанием находится в процессе становления, который осуществляется параллельно с развитием гражданского общества и государства.

Список литературы

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. – М., 2001.
2. Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея. – М., 1992.
3. Ванштейн Г.И. Гражданское общество и власть. Проблемы концептуализации // Проблемы становления гражданского общества в России. Материалы научного семинара. Вып. 2. – М., 2003.
4. Виктук В.В. Состав и структура гражданского общества как особой сферы социума // Гражданское общество: теория, история, современность / отв. ред. З.Т. Голенкова. – М., 1999.
5. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. – СПб., 1996.
6. Иваненков С.П. Проблемы социализации современной молодежи. – СПб., 2008.
7. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993.
8. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2010 г. (одоб. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 года № 1789-р, в ред. Постановления Правительства РФ от 28 марта 2008 № 221) // СЗ РФ. – 2005. – № 46. – Ст. 4720.
9. Миссия – разбудить общество // Аргументы и факты. – 2009. – № 39.
10. Никовская Л.И. Социальные основания гражданского общества на Западе и в России: состояние проблемы // Проблемы становления гражданского общества в России. Материалы семинара. Вып. 4. – М., 2003.
11. Пшизова С.Н. Заметки на полях книги С.П. Перегудова «Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений». – М.: Наука, 2003 // Политическая наука в современной России: время поиска и культуры эволюции: Ежегодник 2004. – М., 2004.
12. Сычева Л. Кому нужна «Другая Россия?» // Российская Федерация сегодня. 2006. – Июль. – № 14.
13. Шматкова Н.А. Особенности развития морально-правового сознания в разных культурах // Преемственность поколений: диалог культур / отв. ред. В.Т. Лисовский. Вып. 2. – СПб., 1996.

ПОЛИТИКА

НУРЫШЕВ Геннадий Николаевич,
профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета,
доктор политических наук, профессор
E-mail: g.nuryshev@yandex.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются характерные аспекты информационной геополитики. Автор путем комплексного анализа, с учетом фундаментальных положений теоретической методологии, формулирует и анализирует актуальные особенности информационной геополитики на современном этапе развития общества. Кроме того, автор обосновывает некоторые предложения, вынесенные им в сфере информационной геополитики, направленные на совершенствование указанного института.*

***Ключевые слова:** геополитика; информатизация; особенности информационной геополитики.*

NURYSHEV G.N.

THEORETICAL-AND-METHODOLOGICAL ISSUES OF INFORMATION GEOPOLITICS

***The summary.** The article deals with characteristic aspects of information geopolitics. By the use of complex analysis and taking into account fundamental propositions of theoretical methodology the author formulates and analyzes topical features of information geopolitics at the present stage of society development. Besides, the author substantiates some of the proposals made by him in the information geopolitics area which are aimed at improving this institution.*

***Key words:** geopolitics; informatization; features of information geopolitics.*

Процессы глобализации кардинально изменили геополитическую картину мира. Оценивая эти процессы, западные исследователи различают ряд измерений глобализации. При этом любой их перечень, на их взгляд, должен включать в первую очередь информацию, информационные технологии [16, стр. 19-20]. Именно они стали основным ресурсом в современном информационном обществе, важным фактором, который начал активно вытеснять или понижать значимость таких стратегических ресурсов, как территория, природные ископаемые, население

и т. д. Информационно-телекоммуникационные сети сделали прозрачными границы между государствами для перемещения главного ресурса информационного общества – информации. Информационное пространство (инфосфера) в своем развитии достигло того качественного уровня, который позволяет рассматривать его на равных наряду с традиционными географически детерминированными геополитическими пространствами как вид жизненного пространства, влияющего на состояние и изменения социально-политической жизни. В связи с этим

геополитическое пространство, включая в себя пространство информационное и информационно-психологическое, как отмечает А. Манойло, приобрело качественно новые измерения [8].

Эти процессы определяют выделение информационной геополитики в самостоятельное направление геополитической науки. Информационная геополитика в фундаментальном аспекте может рассматриваться как раздел геополитической науки, изучающий зависимость (взаимосвязь) социально-политической жизни (политических событий) от «виртуализированного» совокупного жизненного пространства. Это пространство с появлением глобальной инфосферы интегрирует в себя через информационные технологии, информационно-телекоммуникационные системы и информационные ресурсы, а также и пространства, имеющие не только «территориальные» (измеряемые в однозначно локализуемых в привычной физической реальности географических или пространственных координатах), но и «виртуальные» измерения [9, стр. 207]. Наряду с традиционными государствами, их союзами и коалициями, международными организациями в субъекты геополитических отношений в информационной геополитике превратились и средства массовой информации и массовой коммуникации, медиа-холдинги, транснациональные корпорации-провайдеры, виртуальные социальные сообщества и коалиции, незаконные вооруженные формирования и организации террористической, экстремистской, радикальной религиозной направленности и т. д., масштабы деятельности которых имеют глобальный характер (т. е. охватывают значительные географические территории и/или сегменты глобального информационного пространства), а результаты деятельности могут приводить к последствиям, влияющим на политику государств и их коалиций на международном уровне. Уровень развития информационных сетевых технологий, их интеграция в различные области общественной жизни, концентрация узлов сетевой инфраструктуры и других сетевых ресурсов на одних территориях и их отсутствие на других в информационном обществе всегда приводит к промышленному, экономическому, культурному отставанию и общему регрессу территорий и государств, находящихся в стороне от информационных потоков. При этом обладание государственным суверенитетом, собственной

территорией и населением вовсе не является обязательным условием участия субъекта в геополитической конкуренции.

Оценка в информационной геополитике мощи государства-субъекта геополитической конкуренции в информационном пространстве основывается на учете уровня развития информационной инфраструктуры, объемов потоков накопленной и циркулирующей в ней информации, лидерства в разработке и внедрении высоких технологий (и информационного оружия), степени информационного доминирования по отношению к другим субъектам геополитической конкуренции. Такое доминирование, в частности, может выражаться в информационной (экономической, политической, культурной) зависимости национальной информационной инфраструктуры этих субъектов от импорта стратегически важной информации и информационных технологий из субъекта-донора. В этих условиях под геополитической конкуренцией понимается соперничество между геополитическими субъектами за влияние на то или иное пространство, в результате которого одни субъекты получают преимущества, а другие – его теряют, что отражается на состоянии их национальной безопасности [13, стр. 5]. В настоящее время, когда основная схватка за сферы влияния, достигающая размаха борьбы за передел мира, ведется в информационном пространстве особыми методами и средствами, в понятие мощи (силы) геополитического субъекта входит потенциал отражения информационной агрессии. В прикладном аспекте информационная геополитика представляет собой деятельность по принятию и реализации политических (управленческих) решений в зависимости от условий, складывающихся в вышеописанных интегральных «виртуализированных» пространственных координатах.

Целью информационной геополитики является достижение, поддержание, укрепление и расширение власти (влияния, контроля) в этих координатах (пространствах). Эта цель достигается преимущественно ослаблением («устранением» из пространства конкурентной борьбы) конкурирующих сообществ и завоеванием, удержанием и расширением контроля над жизненно важными ресурсами, интегрированными или целиком находящимися в информационном пространстве. Такое пространство формирует

сегодня собственные ресурсы и изменяет значимость традиционных ресурсов, создавая новую среду геополитических отношений и конкуренции [9, стр. 207]. Информационная революция и формирование информационного общества привели к распространению такого соперничества в информационно-психологическом пространстве, в котором заметно меняется содержание геополитической конкуренции как через изменение содержания собственно вооруженной борьбы, так и через пересекающееся с ней, но не совпадающее полностью информационное противоборство. При этом информационно-психологическое, «цивилизационное» мышление является необходимым условием при осмыслении и решении проблем войны и мира. Эффективность этого подхода повышается, если он органически связан с геополитическими, нестратегическими и геоэкономическими факторами [5, стр. 96]. Дело в том, что с развитием сетевой информационно-телекоммуникационной инфраструктуры даже самые удаленные от линии непосредственного соприкосновения с вероятным противником районы и расположенные в них объекты оказываются в зоне досягаемости современных средств поражения. Информационно-психологическая борьба субъектов геополитической конкуренции становится определяющим фактором в формировании геополитического баланса сил конкурирующих геополитических образований, вносит новые закономерности формирования новых (и разрушения прежних) геополитических центров силы, полюсов, геополитических союзов и коалиций, приводит к изменениям стратегического значения параметров и категорий, определяющих геополитическую мощь и значение субъектов конкуренции. Асимметричный характер информационно-психологической борьбы создает необходимость определения информационным обществом новых геополитических приоритетов конкурентной борьбы и изменения структуры предметного поля геополитики [6].

Поведение субъекта геополитических отношений при реализации им информационной геополитики в целях установления господства в информационном пространстве и полного доминирования над конкурентами во всем совокупном жизненном пространстве может состоять из следующих действий, поэтапно переходящих одно в другое по мере роста напряженности отношений с другими субъектами

геополитической конкуренции:

- скрытое (информационное) управление процессами внутри системы конкурирующего сообщества, достигаемое посредством создания условий, побуждающих государственную власть данного субъекта геополитической конкуренции к тем или иным действиям не столько в собственных, сколько в чужих интересах, осуществляемое на фоне информационной, идеологической, культурной и экономической экспансии;
- информационная (информационно-психологическая) агрессия, подкрепляемая экономическим, политическим и дипломатическим давлением (санкциями), угрозой применения военной силы;
- информационная война, сопровождаемая экономической блокадой, военно-силовыми акциями [9, стр. 208].

Сегодня информационная (информационно-психологическая) экспансия – это непрерывный полилинейный процесс, нацеленный на множество объектов и потому порождающий в результате столкновения интересов целый комплекс разноплановых конфликтов. Такая «мирная» экспансия осуществляется многими государствами и их группировками в отношении друг друга одновременно, поэтому можно говорить об их «взаимопроникновении» или, иными словами, образовании комплекса взаимозависимостей и противоречий (например, обеспечение информационного превосходства). Внутрикоалиционная экспансия периодически сопровождается «добровольными» взаимными уступками сторон. Свойства информационного пространства позволяют различным субъектам геополитических отношений одновременно являться союзниками и конкурентами (противниками). Геополитические субъекты одновременно могут состоять в конфликте с другими субъектами геополитической конкуренции по поводу влияния на то или иное измерение (часть) информационно-психологической сферы и в коалиции – по поводу влияния на другую ее часть. Появляется определенная возможность бесконфликтного сочетания сотрудничества и противоборства в геополитических отношениях, хотя общий их баланс, конечно, благоприятствует сильнейшей из них [8].

В этой конкуренции может использоваться

комплексный арсенал сил и средств, основу которого составляют в основном «информационные» средства и формы воздействия на конкурирующие сообщества такие, как информационные технологии, различные приемы и способы информационно-психологического воздействия. Основным способом достижения геополитического превосходства является не только информационная (информационно-психологическая) экспансия, но и информационное противоборство (информационная война) [1]. Использование информационно-психологической войны в рамках геополитической конкуренции определяет ее цели, задачи, сущность и содержание, средства и методы нападения и защиты, а также основные принципы разработки, организации, подготовки и проведения тайных информационно-психологических операций. Условия и закономерности геополитической конкуренции являются основным фактором, формирующим всю структуру информационно-психологической войны, указывающим ей цели, задачи и определяющим оптимальные способы достижения этих целей. Лицо информационной войны во многом определяет наступательный характер информационного оружия, что особенно проявляется в геополитической методике «управляемого хаоса». Информационные технологии сегодня относятся к «оружию» огромного стратегического значения – политического, оборонного, экономического, социального и культурного. Информационное оружие отличается широким разнообразием (различные средства манипуляции, современные приемы психотехники, информационно-психологические мифы, компьютерные «вирусы», специальные программы и т. д.), свободным выбором времени и места применения, сравнительной дешевизной [4]. Результатом информационной войны становится иррациональное поведение поверженных систем. Ущерб от применения информационного оружия даже может быть сопоставим с оружием массового уничтожения. Использование средств информационного оружия против Багдада во время карательной операции «Буря в пустыне» дало основание военным специалистам считать Ирак примером первой «информационной Хиросимы». Следующими стали Югославия и опять Ирак, где были применены самые изощренные «суперлинии» для информационной

войны. Агрессия может осуществляться и «чужими руками» и так, что в качестве ответственного за атаку может быть «подставлено» невинное государство. Жертва атаки может даже и не подозревать, что находится под информационным ударом. В силу этого значительно осложняется возможность противодействовать такой агрессии. Более того информационное оружие, в т. ч. в контексте «гуманитарных интервенций», способно создать вокруг себя некий ореол «гуманности». В ряде стран ведение информационной войны предусматривается военными доктринами и ведется подготовка специальных подразделений, предназначенных для осуществления информационных операций. В настоящее время порядка 120 стран мира ведут работы или уже завершили отдельные разработки по развитию возможностей информационно-компьютерного воздействия на информационные ресурсы потенциального противника. Для сравнения: разработки в области ядерного оружия ведутся не более чем в 20 странах [14, стр. 236-238].

Арсенал информационной войны дополняется различными формами и средствами идеологического и культурного влияния и оказания экономического, политического, дипломатического и военного давления на конкурирующие сообщества, применение которых в случае реализации задач информационной геополитики подчинено замыслу использования вышеупомянутой «информационной» составляющей [12].

Возникновение наряду с традиционными видами политического, экономического и вооруженного противоборства информационно-психологических войн заметно изменило состояние военно-стратегического баланса, который сложился в мире после Второй мировой войны [3]. Сегодня в информационном пространстве планеты США имеют абсолютное доминирование [11, стр. 221]. Большим их достижением является многолетний контроль над Интернетом. США создают мощнейшие центры глобального информационного воздействия на мировую информационно-психологическую среду. В 2005 году в госдепартаменте США создано новое специальное управление, которое называется «Управление трансформацией политических режимов». Это специальное подразделение для ведения геополитического информационного противоборства (по осуществлению «демокра-

тических» переворотов в других странах). Кроме того, Пентагон создает кибервойска [2]. По мнению экспертов, в функции формируемого командования входит проведение атак на информационные сети вероятных противников Америки. Вооруженными силами США в рамках сверхсекретной программы по обеспечению безопасности был создан самый крупный в мире отряд программистов-хакеров. Предназначение этого отряда – вести «бескровную» кибервойну с вражескими сообществами. Правительство США готово потратить миллионы долларов на то, чтобы превратить все существующие средства коммуникаций, включая электрические и телефонные сети, в поля сражений [18].

В 2008 году американские законодатели приняли решение о реализации в Пентагоне закрытого проекта «Манхэттен», главная цель которого заключалась в разработке новых средств и методов ведения наступательных и оборонительных операций в информационной войне. В состав Объединенного кибернетического командования, кроме сотрудников Пентагона, входят специалисты ЦРУ, ФБР, служб обеспечения электронной безопасности ряда федеральных ведомств, а также различных негосударственных организаций [17].

Инфраструктура информационных стратегических наступательных операций США по свержению действующей власти – это сеть фондов и благотворительных организаций. В США их более двух тысяч – от гигантов калибра Фонда Форда с годовым бюджетом грантов более полумиллиарда долларов до скромных жертвователей масштаба Фонда Дж.-М. Каплана, располагающих всего десятком миллионов. По типу корпораций, вкладывающих в них деньги, фонды бывают производственные и финансово-инвестиционные, по политориентации – либеральные и консервативные. Лидерами в финансировании правозащитных организаций в России, СНГ и Восточной Европе являются частные Фонд Форда и институт «Открытое общество» Джорджа Сороса, а также государственный Национальный фонд за демократию (НФД) [11, стр. 189]. Сложившаяся к началу XXI века система информационных операций американской армии позволила существенно расширить спектр решаемых задач во всех фазах военных действий. Модульная система комплектования сил и средств информационных операций дала возможность

оперативно реагировать на изменения военной и социально-политической обстановки, рост потребностей в соответствующих специалистах [7].

Информационные войны и экспансия в глобальном информационном пространстве в настоящее время поставили на повестку дня вопрос об информационном империализме, который сейчас по своим масштабам значительно опережает экономический империализм. Поэтому изучение вопроса о том, кто реально контролирует информационные потоки и сетевую инфраструктуру, направляя их через территории различных государств, показывает о разделении всех держав в информационном пространстве на государства, владеющие информационными и сетевыми технологиями, и государства, не имеющие собственных позиций в этой области. Такие государства в информационно-психологической сфере попадают почти в колониальную зависимость к государствам-владельцам сетей и технологий. Таким образом, можно говорить о зарождающихся в информационном обществе процессах разделения территорий на колонии и метрополии – процессах современного неокOLONIALИЗМА, разделяющего все страны и регионы мира на субъекты, доминирующие в информационно-психологическом пространстве и являющиеся источниками экспансии, и на субъекты, не обладающие необходимыми информационными ресурсами, технологиями и развитой информационно-телекоммуникационной инфраструктурой, и являющиеся поэтому информационно зависимыми от субъектов-доминантов. Роль таких государств в информационно-психологическом пространстве достаточно очевидна – они становятся источниками важнейшего стратегического ресурса информационного общества – информации и знаний – для ведущих информационно развитых стран мира.

Информационно-психологический неокOLONIALИЗМ является агрессивной концепцией достижения геополитического превосходства, ставит целью изменение структуры глобального информационно-психологического пространства и предполагает необходимость привлечения арсенала сил, средств и методов информационно-психологической агрессии (войны) для достижения этих целей. Одной из важнейших задач государственной системы информационного противоборства в

современных условиях является противодействие стремлению агрессивно настроенных участников противоборства превратить государство в информационную колонию – сырьевой придаток, источник извлечения (выкачивания) информационных ресурсов для национальных экономик государств – лидеров информационно-психологической борьбы. Те страны, которые создали механизмы получения необходимых знаний (информации) извне, смогли фактически превратить информационных доноров в своего рода «неоколониальные» образования информационного общества [9, стр. 266].

Примером может служить организация рядом стран Запада контролируемой «утечки умов» из развивающихся стран, а также из стран бывшего СССР. Выгодно используя, а зачастую прямо или косвенно инспирировав экономические и социально-политические кризисы и конфликты в ряде стран и регионов, наиболее развитые страны, активно рекламируя свой образ жизни, предлагая выгодные условия труда (самореализации), прежде всего для интеллектуальной элиты, смогли существенно усилить собственный потенциал в этой сфере, истощив интеллектуальную составляющую ресурсов конкурентов. В этих условиях наше государство по-прежнему слабо контролирует свое информационное пространство. Функцию такого контроля выполняют геополитические противники России. И принятие Доктрины информационной безопасности РФ почти ничего не изменило. По сути, Россия не обладает сегодня информационным суверенитетом, прежде всего на своих собственных телеканалах. Геополитические противники России, используя СМИ, проводят различные акции негативного информационного воздействия на психику россиян [17]. Так, продолжается информационная война против Победы России. Цель этой войны – опорочить великий символ героизма, национальной гордости и единения, который сегодня является цементирующей основой существования Российского государства. Концепция «двух тоталитаризмов», родившись на Западе, двинулась в восточном направлении по проторенному пути «Дранг нах остен!». Даже немцы, долго молчавшие (по крайней мере, официально), вдруг оживились в оправдании преступлений гитлеризма. В 2002 году «единственный философствующий историк среди немецких историков» Э. Нольте «доказал»,

что уничтожение режимом Гитлера евреев было ничем иным, как реакцией на уничтожение дворянского и крестьянского сословий в России. Германский национал-социализм, оказывается, – это «зеркальное отражение русской революции», уничтожение Гитлером целых народов – реакция на ликвидацию классов в СССР; Аушвиц и Освенцим – реакция на Гулаг. Даже голлизм во Франции Э. Нольте связал с эпохой тоталитаризма. Сегодня эта концепция «равной ответственности» воплотилась в ставшую широко известной резолюцию ПАСЕ от 3 июля 2009 года [3]. Не случайно, определяя место информационной безопасности в системе национальной безопасности РФ, доктор военных наук генерал-полковник А. Наговицын считает, что для России в современных условиях возрастает роль информационных угроз. Это «обуславливается попытками ряда стран к доминированию в мировом информационном пространстве, вытеснением России с внешнего и внутреннего информационного рынка; разработкой рядом государств концепции информационных войн, предусматривающей создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира; нарушением функционирования информационных ресурсов, получением несанкционированного доступа к ним» [10].

В отличие от России Китай сегодня выходит на позиции мирового лидера в ведении геополитической информационной войны. Элемент неизбежности будущего геополитического противоборства с США требовал от китайского руководства необходимости тщательно подготовиться к информационным операциям в современных условиях. И китайцы взяли на вооружение информационную концепцию начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР маршала Н.В. Огаркова (она не была воспринята в СССР). Они связали ее с теоретическими взглядами Конфуция и Сунь-Цзы. Наглядным примером крупного геополитического успеха КНР путем проведения эффективных стратегических информационных операций против политических элит Великобритании и США является бесконфликтное присоединение Гонконга в 1997 году [17]. Именно смещение наибольшей активности геополитической конкуренции в информационно-психологическое пространство сегодня является основной причиной возникновения и стремительного развития

новых форм информационно-психологической борьбы, превратившись в информационно-психологическую войну.

Поэтому важно при дальнейшей разработке концепции государственной информационной политики РФ в условиях использования иностранными государствами и иными участниками информационного противоборства тайных операций информационно-психологической войны установить характер взаимосвязи, взаимовлияния и взаимообусловленности геополитических и информационно-психологических процессов

в современном обществе. Необходимо также определить приоритетные цели и задачи информационно-психологического противоборства, вытекающие из природы, форм и закономерностей геополитической конкуренции в информационно-психологическом пространстве. Для этого, видимо, следует предметно изучать причины и условия, при которых система социально-политических отношений современного общества становится средой, благоприятной для организации и проведения тайных операций информационно-психологической войны.

Список литературы

1. Зуев С.Э. Измерения информационного пространства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/future/part01/010601.htm> (дата обращения: 27.03.10)
2. Иванов В. Пентагон создает кибервойска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/forces/2009-12-11/14_kibervoiska.html (дата обращения: 27.03.10)
3. Ивашов Л. Геополитическая предыстория Второй мировой войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/history/2009-09-04/1_ww2.html (дата обращения: 28.03.10)
4. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием – 2. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2009.
5. Киршин Ю.Я. Войны локальных цивилизаций: история и современность. – Клинцы: Изд-во ГУП КГП, 2009.
6. Лепский В.Е. Исходные посылки совершенствования системы национальной безопасности России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://infwar.ru/article/Lepsky-1-7-2007.pdf> (дата обращения: 28.03.10)
7. Информационные войны как реальный фактор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2009-04-17/7_infowars.html (дата обращения: 28.03.10).
8. Манойло А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/psywar25.htm> (дата обращения: 29.03.10)
9. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. – М.: МИФИ, 2003.
10. Наговицин А. Противоборство в информационном пространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/notes/2009-12-18/15_experts.html от 280310// (дата обращения: 29.03.10)
11. Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. – М.: Поколение, 2006.
12. Расторгуев С.П. Информационные войны. – М.: Радио и связь, 1999.
13. Семенов В.А. Этногеополитические аспекты безопасности России: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. полит. н. спец. 23.00.05. – М., 2000.
14. Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия: вызовы и возможности. – М.: Парад, 2005.
15. Цыганов В.В., Бухарин С.Н., Васин Н.Н. Интеллектуальные механизмы информационных войн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://infwar.ru/article/zigan.pdf> (дата обращения: 30.03.10)
16. Beck U. What is Globalization? – Cambridge: UK, 2000.
17. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/panarin_info/06.aspx (дата обращения: 27.03.10)
18. URL: <http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2005/04/28/177780#> (дата обращения: 24.07.10)

РОДИОНОВА Антонида Кузьминична,
профессор кафедры теории и истории государства и
права Байкальского государственного университета
экономики и права,
доктор политических наук
E-mail: rodank@rambler.ru

Специальность 23.00.02 – Политические
институты, процессы и технологии

ДУАЛИЗМ ФЕДЕРАЛИЗМА И ЕГО ПРИЗНАКИ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию признаков федерализма. Автор, используя метод диалектического познания, рассматривает и анализирует доминирующие признаки федерализма с учетом динамики изменений и развития института государственности, а также его взаимосвязи с политической системой государства. Автором сформулирована и обоснована идея дуализма федерализма, а также выделены интеграционные и дезинтеграционные признаки федерализма, отражающие его дуализм.*

***Ключевые слова:** федерализм; признаки федерализма; дуализм федерализма; интеграционные признаки федерализма; дезинтеграционные признаки федерализма.*

RODIONOVA A.K.

THE DUALISM OF FEDERALISM AND ITS CHARACTERISTIC FEATURES

***The summary.** The article deals with the research of federalism characteristics. The author using the method of dialectic cognition examines and analyzes the dominant features of federalism taking into account the statehood institution dynamics of changes and development as well as its relationship with the political system of the state. The author formulates and substantiates the idea of federalism dualism as well as distinguishes the integration and disintegration features of federalism that reflect its dualism.*

***Key words:** federalism; federalism features; dualism of federalism; integration features of federalism; disintegration features of federalism.*

Признаки федерализма, предложенные учеными, которые занимаются исследованием федерализма в самых разных направлениях, скорее можно охарактеризовать как признаки федерации, а не федерализма. Известно, что федерализму свойственен дуализм, однако признаки, которые бы отражали столь сложный характер федерализма, не названы. Автор выделил интеграционные и дезинтеграционные признаки федерализма, отражающие дуализм федерализма.

Хотелось бы заметить, что единой концепции федерализма не сложилось, поэтому говорить о завершенной классификации признаков федерализма весьма проблематично.

О характеристике государственности федерации можно говорить только исходя из основных свойств федерализма, содержащего два

начала: «объединительное» и «разделительное». Потенциально федеративное государство испытывает влияние указанных двух начал. Отсутствие должной результативности соотношения централизации и децентрализации в условиях дуализма федерализма может повлечь в государстве унитарные или дезинтеграционные процессы. Дуализм федерализма превращает федеративное государство в непрочное государственное образование, поэтому целостность государства следует рассматривать как основную цель федеративного государства, выстраивая внутреннюю политику в соответствии с этой целью. На данное свойство федерализма указывали первые русские исследователи федерализма, отмечали данное обстоятельство и зарубежные ученые [21, стр. 159].

Федерализм в Германии и США способствовал

объединению отдельных частей в единое государство, в то время как в Бельгии и России он повлек изменение унитарной формы государственного устройства на федеративную форму, т. е. разделение государства на составные государствовподобные образования. Признаки федерализма должны отражать данное свойство федерализма, поэтому их следует разделить на две группы.

Признаки федерализма, которые отражают тенденции, направленные на разделение целостного федеративного государства на самостоятельные государства, целесообразно обозначить как дезинтеграционные. Дезинтеграционные устремления иницируются либо народом, либо (что чаще всего) сепаратистскими настроениями политической элиты. Если вопросы о нахождении в составе федерации данной территории не выносятся на обсуждение населения территории, то можно утверждать, что сепаратизм иницируется политической элитой.

К *дезинтеграционным (сепаратистским)* признакам мы относим:

1) *стремление членов федерации к политической и экономической, правовой самостоятельности во внутригосударственной жизни.*

Политическая ситуация в России на начало 1990-х гг. в немалой степени определялась дезинтеграционными признаками федерализма. Причина их активизации была вызвана «незрелым гражданским обществом, которое не могло противостоять устремлениям некоторых региональных политических лидеров стать абсолютно политически и экономически самостоятельными, в дистанцированности власти от населения, которое не испытывало доверия к властным политическим структурам и власти» [9, стр. 149]. Стремление некоторых субъектов РФ к полной суверенизации проявилось как результат отсутствия правового «разъяснения» цели федеративного государства – сохранение единства, целостности и неделимости Российской Федерации. Кроме того, со стороны федеральной власти было озвучено предложение национальным членам федерации: взять суверенитета, столько сколько им хочется. Реализация данного предложения проявилась в закреплении «своего» суверенитета некоторыми национальными субъектами РФ в первых редакциях конституций без указания на существование единственного для всей России государственного суверенитета.

Якутия, Башкортостан, Татарстан и некоторые другие субъекты РФ прописали в своих Основных законах, что они – суверенные территории, не подчеркивая, что находятся в составе РФ.

Полномочия и ресурсы власти регионального уровня расширялись самой политической элитой, т. к. данный процесс не контролировался федеральным Центром.

2) *желание членов федерации предстать на международной арене самостоятельными государствами.*

В целях реализовать «самостоятельность» в международных отношениях, субъекты РФ принимали нормативные акты о международной деятельности [1; 2; 3; 4], и не согласовывали свою деятельность на международной арене с федеральным Центром. Руководители Республики Татарстан считали, что она занимает особое место в РФ [19, стр. 27], и Татарстан имеет возможность ускорить «вход Татарстана в мировой рынок» для улучшения ситуации внутри Республики с целью повышения конкурентоспособности и привлекательности Татарстана по сравнению с другими регионами [10, стр. 20]. Закрепив в Конституции факт, что Татарстан – носитель международной правосубъектности, политическая элита Татарстана начала активную международную деятельность. Этой деятельности Татарстана содействовал Договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» (1994 г.). В нем было прописано, что «органы государственной власти Республики Татарстан *самостоятельно* участвуют в международных отношениях, устанавливают отношения с иностранными государствами и заключают с ними соглашения, не противоречащие Конституции и международным обязательствам РФ». На этом основании «Татарстан заключил более 50 договоров и соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве с зарубежными партнерами, имел 16 полномочных и торговых представительств за рубежом» [6, стр. 116]. Конституция РФ предоставила возможность субъектам РФ осуществлять международные и внешнеэкономические связи, отнеся их координацию к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В последующий период будут приняты

федеральные нормативные акты, уточняющие полномочия субъектов РФ на международной арене: Федеральные законы «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» и др. Германия, США, Австрия разрешают членам федерации устанавливать международные связи, оговаривая, что это делается с согласия компетентных федеральных органов, поскольку ответственность в случае конфликта ложится на федерацию [15, стр. 21]. Верховный суд США неоднократно рассматривал дела, связанные с уточнением компетенции федеральных властей и штатов в международной сфере: в 1968 г. Верховный суд США, рассмотрев дело «Шернинг против Миллера», пришел к выводу, что все законодательные акты штатов, препятствовавшие осуществлению внешней политики США, должны быть отменены.

3) *отказ члена федерации от исполнения общенациональных обязанностей.*

В России наблюдалась децентрализация федеративных отношений из-за стремления политической элиты к функционированию региональной власти вне зависимости от федерального уровня. Федеральный уровень власти в 1990-е гг. не воспринимался национальной и политической элитой некоторых регионов как высший уровень. Уровень децентрализации превысил «разумный» порог, при котором сохраняется соподчиненность власти. В целях сохранения единства и целостности Российской Федерации, с Республиками Башкортостан и Татарстан в течение 1994 г. были подписаны соглашения, предусматривающие не только зачисление 100% некоторых федеральных налогов (главным образом, НДС) в республиканские бюджеты, но и установление пропорций распределения остальных налогов на договорной основе [7, стр. 9]. Субъекты РФ по своему социально-экономическому положению будут существенно отличаться, т. к. федеральным уровнем власти был взят курс на «шоковую терапию». Дефицит консолидированного бюджета Воронежской области в 1998 г. составил 51,5% при плане 4,2% [13, стр. 21]. Межбюджетные отношения складывались под влиянием региональных

политических лидеров: интересы государства уступали национальным. Центр в обмен на лояльность элит пойдет на уступки национальным субъектам федерации, заключая с ними договоры (соглашения) по финансовой поддержке на основе формализованных критериев и расчетов.

Переосмысливание целесообразности шоковой терапии произошло только в последние годы, и члены «вашингтонского консенсуса» скажут об ошибочности своих рекомендаций, воспринятых как аксиома правительством, возглавляемым Е. Гайдаром [16, стр. 44-48].

4) *использование имеющихся ресурсов власти природных, финансовых, бюджетных, политических и др., только в интересах «своей» территории.*

Взаимоотношения между российским федеральным Центром и регионами в 1990-е гг. будут напоминать торг за бюджетные ресурсы, результаты которого зависели от влияния региональных лидеров. «Вследствие неэффективности и архаичности системы мобилизации ресурсов начавшееся в ходе реформ усложнение политической системы было сопряжено с резким социальным расслоением и политической поляризацией, расколом, как общества, так и политической элиты» [14, стр. 6]. Согласно Конституции Северной Осетии (1994 г.), земля и другие природные ресурсы могут находиться в государственной, муниципальной, коллективной и иных формах собственности в порядке и на условиях, предусмотренных законодательством Республики Северная Осетия – Алания. Республика Татарстан в ст. 59 своей Конституции (1992 г.) записала, что Республика самостоятельно определяет свой государственно-правовой статус, решает вопросы политического, экономического, социально-культурного строительства. Законы Республики Татарстан обладают верховенством на всей ее территории, если они не противоречат международным обязательствам Республики Татарстан.

Российская государственность в указанный период была ослаблена, чему (в том числе) способствовал «плюрализм без границ». Считая, что право собственности на природные ресурсы принадлежит субъектам Российской Федерации, некоторые субъекты претендовали на все доходы, получаемые от реализации природных ресурсов, расположенных на их территории.

5) *активное развитие «своей» государст-*

венности» членами федерации.

Татарстан первым принял Декларацию о государственном суверенитете в 1990 г., проведя референдум о суверенитете Татарстана. В ст. 61 Конституции Татарстан (первая редакция) было записано: Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией – Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения. Политическая элита Татарстана по этнической принадлежности в большинстве своем состояла из лиц татарской национальности: 76,5% [11, стр. 157]. В Республике Калмыкия политическая элита предлагала К. Илюмжинову создать ханство [18]. Процесс постепенного образования особого республиканского суверенитета и превращения России во «многогосударственное» государство ученые обозначат республиканизацией [17, стр. 104].

Попытки территориальных субъектов – Челябинской, Свердловской, Вологодской областей – откорректировать отношения с Центром по примеру указанных республик (с определением своего нового статуса) не будут столь успешными. Центр пресечет эти попытки, считая, что регионы не могут являться субъектами экономических отношений. Однако для некоторого сглаживания проблем в отношениях с территориальными субъектами федерации Федеральный центр пойдет на подписание договоров: будет подписано около 29 договоров о разграничении предметов ведения и полномочий с территориальными субъектами РФ. Среди них – договор со Свердловской областью, с Калининградской областью о создании особой экономической зоны.

Рассматривая положение дел в РФ в первой половине 1990-х гг. можно сказать, что реформирование политической системы России, федерализма создало ситуацию противоположную ожидаемой: в России возникли сепаратистские тенденции. Сепаратизм в России имел место в конце 1880 гг., когда Г.Н. Потанин (в последующем известный этнограф) был осужден за сепаратизм, которым обозначены заявления Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева о целесообразности отделения Сибири от центральной части России из-за тяжелого положения народов в Сибири при наличии огромных природных ресурсов Сибири.

Остановить процесс сепаратизма, который реально угрожал целостности России, стало возможным со сменой властной элиты: со сменой

Президента РФ, Федерального Собрания и Правительства РФ, политической элиты в регионах. Президент РФ отменил нефинансируемые мандаты. Программой развития бюджетного федерализма в РФ на период до 2005 г. решались вопросы финансовой дисциплины, горизонтального и вертикального выравнивания социально-экономического положения субъектов. Создание федеральных округов усилило оправданную в рассматриваемый период централизацию. С 2000 г. укрепилось правовое пространство после внесения изменений в Конституции Башкортостана, Якутии и других национальных субъектов Российской Федерации, свидетельствующих, что их суверенность очерчена государственной суверенностью РФ, поскольку они входят в состав России. Угроза распада российского государства исчезла. Принятые в последние годы законодательные акты о разграничении предметов ведения и полномочий между Центром и регионами, уточнение полномочий местного самоуправления свидетельствуют о реформе полномочий, которые уточнены с учетом реальных задач уровней власти и восстановления доверия населения к власти.

С конца 2000 г. в России наблюдается действие другой группы признаков федерализма. Эти признаки направлены против имевших место дезинтеграционных признаков и нацелены на укрепление и развитие России как целостного государственного образования в связи с усилением центростремительных сил.

Данные признаки целесообразно обозначить как интеграционные. Они включают:

- 1) определение федеральным Центром основных направлений внутренней и внешней политики без консультаций с членами федерации;
- 2) усиление федеральным Центром субординационных начал в государственном управлении;
- 3) формальное соблюдение принципов федерализма;
- 4) активизацию «унитаристских» действий Центра, направленных на усиление единых унифицированных начал во всех областях государственной жизни: политической, экономической, социальной, правовой;
- 5) углубление соподчиненности имеющихся уровней власти федеральному уровню;
- 6) централизацию государственного аппарата и

- федеративных отношений;
- 7) фактическую реализацию федеральным Центром большинства совместных с региональным уровнем полномочий; расширение контрольных функций за осуществлением полномочий региональным уровнем власти;
  - 8) расширение федерального присутствия в регионах через федеральные органы, расположенные на территориях субъектов РФ;
  - 9) прямое участие федерального Центра при формировании органов власти субъектов Российской Федерации.

Интеграционные признаки в своей реализации формируют механизм погашения конфликта, вызванного дезинтеграционными тенденциями, однако их реализация не должна быть длительной по времени реализации, т. к. они могут повлечь унитаристские тенденции. В.В. Путин, выступая на расширенном заседании коллегии Министерства финансов в апреле 2001 г., отмечал, что «задачей Федерального центра не является суперцентрализация» [8, стр. 1]. В РФ после дезинтеграционных процессов усиление интеграционных принципов вполне оправдано, однако они должны действовать только определенное время.

Некоторые ученые, определяя Россию как «моноцентрическое государство», указывают, что «логика «укрепления властной вертикали» отражает не только личное стремление В.В. Путина к более эффективному правлению, но и глубоко укоренившуюся историческую традицию функционирования государственной власти в России» [12, стр. 23; 5]. В этой связи следует заметить, что проявляют себя интеграционные или дезинтеграционные признаки в зависимости от проводимой внутренней политики. В том случае, если внутренняя политика не подвержена центристским стремлениям, «унитаризации» или в ней не преобладают тенденции сепаратизма (т. е. не превалируют одни центробежные или одни центростремительные тенденции), то интеграционные и дезинтеграционные признаки федерализма «уравновешивают» друг друга, не превалируют одни над другими. В том случае, если

начинают преобладать интеграционные признаки, то возникает реальная угроза превращения федерации в формальную (что имело место в СССР) или преобразования государства в унитарное. Если активизированы и поддерживаются властью и обществом дезинтеграционные признаки, то государство может превратиться в конфедеративное образование или в несколько самостоятельных государств.

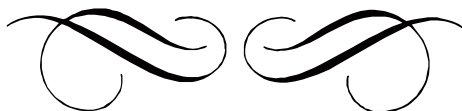
Признаки федерализма, реализуемые политической элитой в разных исторических условиях, могут повлечь разрушение единого целостного государства или смену федеративной формы государства на унитарную.

В период образования федеративного государства интеграционные и дезинтеграционные признаки должны находиться в равновесном состоянии. Только в этом случае создается федеративное государство на демократической основе, учитывающее интересы вошедших членов федерации и народов. Но и в процессе функционирования федерализма также необходимо соблюдение баланса интеграционных и дезинтеграционных возможностей федерализма. Изменения во внутренней политике федеративного образования, усиление центростремительных сил могут нарушить равновесное состояние признаков и усилить роль интеграционных признаков, в результате чего федерализм приобретает формализованный характер либо возможна трансформация федерализма в унитаризм. Когда активизированы дезинтеграционные (сепаратистские) признаки, возникает реальная угроза распада единого государства и возникновения конфедерации – союза государств.

Сохранение федерализма предполагает наличие правильно выбранного политического курса, ведущего к разумному балансу интеграционных и дезинтеграционных признаков, которые дают возможность сохранять федерализм без развития в государстве унитарных или конфедеративных тенденций, и в своем равновесном состоянии укрепляют демократию. Полагаем, что равновесное состояние интеграционных и дезинтеграционных признаков федерализма – важнейшее условие сохранения федеративной государственности, наблюдаемое многие годы в США.

Список литературы

1. Закон «О международных договорах Республики Башкортостан» (№ ВС – 15/14 от 23.12.1992 г.).
2. Закон «О международных договорах Республики Татарстан» (№ 8 от 14.06.1999 г.).
3. Закон «О международных и межрегиональных договорах (соглашениях) Свердловской области» (№ 26 – ОЗ (Э) от 30.07.1998 г.).
4. Закон Тюменской области «О международных соглашениях Тюменской области и договорах Тюменской области с субъектами Российской Федерации» (№ 17 от 26.12.1995 г.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Амиров А.Х., Кареева А.М., Смолякова Ю.Б. Россия Путина. История болезни. – М.: РОО Центр Панорама, 2004. – 236 с.
6. Бакирова Г.Я Особенности статуса республики в РФ и проблемы координации их международной деятельности // Казанский федералист. – № 3.
7. Бюджетный федерализм в России: проблемы, теория, опыт / ред. Н. Главацкая. – М., 2001.
8. Выступление Президента РФ на заседании коллегии Министерства финансов // Российская газета. – 2001. – 17 апреля.
9. Галкин А.А., Красин Ю.А. Авторитаризм или демократия: трудный выбор для России // Полития. – 1998. – № 3.
10. Галлеев М. К основам концепции развития внешнеэкономических и внешнеполитических связей Татарстана // Панорама – Форум. – 1996. – № 2.
11. Зазнаев О. Республика Татарстан // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1997. – № 2.
12. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М., 2005. – 384 с.
13. Ляско А. Реализация программы стабилизации не способна преодолеть кризис // Вопросы экономики. – 1998. – № 9.
14. Пантин В.И., Лапкин В.В. Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования // Полис. – 2002. – № 2.
15. Пустогаров В. Провозгласить – не значит стать // РФ сегодня. – 1998. – № 3.
16. Розфильд С. Экономические, политические и правовые аспекты становления бюджетного федерализма в России // Бюджетный федерализм в России: материалы Международного семинара 17 – 18 нояб. 2001 г. – М., 2002.
17. Саква Р. Российский регионализм, выработка политического курса и государственное развитие // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1999. – № 4.
18. Степь Кирсана Илюмжинова. URL: <http://rosvesty.ru/1836/interes/?id=1455&i=10> (дата обращения: 12. 10. 2007)
19. Столяров М.В. Федерализм и державность: российский вариант. – М.: Славянский диалог, 2001.
20. Шабо Ж.-Л. Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления // Полис. – 1993.
21. Яценко А.С. Русский федерализм // Федерализм. – 1996. – № 1.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

КАРИМОВ Руслан Рамилевич,
аспирант Башкирской академии государственной
службы и управления при Президенте Республики
Башкортостан
E-mail: karimov.r@mail.ru

Специальность 23.00.02 – Политические
институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и
технологии

КРАТКИЙ ОЧЕРК О СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Аннотация. В данной статье описывается опыт Республики Башкортостан в осуществлении национальной политики. Раскрыты особенности полиэтнической среды и имеющиеся в связи с этим сложности и проблемы, основные способы их разрешения.

Ключевые слова: этническая среда, нация, башкиры, народ, этническая идентичность.

KARIMOV R.R.

SHORT SKETCH ABOUT THE MODERN POLYETHNIC ENVIRONMENT IN REPUBLIC BASHKORTOSTAN

The summary. The Republic Bashkortostan's experience in realization of a national policy is described in the given article. Features of modern polyethnic environments are opened, available in this connection complexities and problems, the basic ways of their permission are researched.

Key words: the ethnic environment, the nation, Bashkirs, the people, ethnic identity.

Современный Башкортостан – многонациональная и наиболее крупная по численности населения республика Российской Федерации. Население республики по численности больше численности населения таких государств, как Латвия, Литва, Эстония, Туркменистан и др. Более четырех миллионов жителей республики составляют многообразие этносов, культур, языков, конфессий. Башкортостан по праву можно рассматривать в качестве региона, в котором оптимальным образом реализуется современная концепция национальной политики, происходит осмысление проблем этнокультурного развития народов России, межнационального сотрудничества и необходимости становления общероссийской гражданской идентичности.

Определенный интерес для исследовательских целей вызывает выявление демографических различий населения различных национальностей, проживающих в Республике Башкортостан.

По материалам переписи Российской империи 1897 года численность башкирского народа составляла более 1 млн. 300 тыс. человек, эта цифра оставалась неизменной до февральской и октябрьской революций 1917 года. После февральской буржуазно-демократической революции Временное правительство насчитало башкир даже в количестве 1млн. 450 тысяч человек. А по материалам переписи Советского правительства 1926 года численность башкир резко упала до 713 тысяч человек [3]. Как видно из приведенных цифр, численность башкир в период

от Российской империи до Советского периода уменьшилась. Ф. Файзуллин и С. Бикташев объясняют резкое и повальное сокращение численности народа следствием сложных политических и социально-экономических процессов. Прежде всего, это последствия разрушительной гражданской войны, страшного голода в 1920 – 1921 годы, унесших много жизней и вынудивших эмигрировать за пределы родины. А также таким фактом, что значительная часть башкир, проживающих на территории ТАССР и в северных и северо-западных районах БАССР, во время переписи 1926 года, были записаны татарами [6].

Если обратиться к материалам Всероссийской переписи населения 2002 года, то имеются следующие данные: численность населения Республики Башкортостан составляет 4 104 715 человек. На первом месте по численности населения были русские – 1 490 715 человек, на втором месте башкиры – 1 221 302, на третьем месте татары – 990 702, затем чувашаи – 117 317, марийцы – 105 829, украинцы – 55 249, мордва – 26 020, удмурты – 22 625, белорусы – 17 117, армяне – 8 784, немцы – 8 250, узбеки – 5 145, азербайджанцы – 5 026, казахи – 4 092, таджики – 2 939, евреи – 2 367, латыши – 1 508, грузины – 1 341, вьетнамцы – 1 204, чеченцы – 1 195, молдаване – 1 069, греки – 1 038, корейцы – 722, туркмены – 701, цыгане – 684, поляки – 660, езиды – 577 человек, другие национальности – 5 792, не указали свою национальность 4 366 человек. В 2002 году впервые после переписи 1926 года были получены данные о численности лиц, назвавших себя кряшенами, которых в Республике Башкортостан насчитывается 4500 человек [2].

Идеология и политика, не учитывающая интересы всех этнических образований, ведут к возникновению напряженности в отношениях между различными этносами, появляются различные конфликты, вражда. Чтобы этого не случилось государство должно выступить гарантом соблюдения прав и законных интересов народов, проживающих на его территории. Правильная национальная политика, учет интересов народов, гарантия их свободного развития, соблюдения принципа социальной справедливости по отношению ко всем этносам и нациям, независимо от их численности, предоставление всем равных прав – принципы, которые должны быть главенствующими для осуществления политики по

достижению социального спокойствия в обществе.

Современное общество переживает всплеск обострения межнациональных конфликтов, терроризма. В этой связи в Башкортостане ведется целенаправленная политика по сохранению и укреплению исторически сложившегося в регионе благоприятного климата межэтнических отношений. Важной задачей является создание благоприятных условий для удовлетворения интересов народов, населяющих Республику Башкортостан, а также прав граждан, связанных с этнической принадлежностью. Эти права могут быть самыми разнообразными, но наиболее важные из них затрагивают вопросы культуры, образования, сохранения и развития родного языка, достойного уровня жизни.

События последних лет показали, что принципы для осуществления политики по достижению социального спокойствия в обществе не всегда соблюдаются. Развитие общества ознаменовалось подъемом национального движения и массового самосознания народов. К сожалению, республику эти проблемы тоже затронули. Волной прокатились массовые митинги и демонстрации в защиту той или иной общности. Примечательно, что в национальное движение активно включилась студенческая молодежь. Достаточно вспомнить события, произошедшие в республике накануне проведения Всероссийской переписи населения 2010 года. Под девизом «Прекратите антитатарскую кампанию!» 25 мая 2010 года прошел пикет татарских национальных организаций перед зданием Телецентра в Уфе. Татарские активисты требовали прекратить телепередачи, «разъясняющие» татарам республики, что они не татары, а башкиры того или иного древнего племени. Так только в Уфе недавно были осуждены семеро скинхедов.

Сохранение самобытности каждого народа, дружба и добрососедские отношения, взаимообогащение культур, достижение согласия и этнополитической стабильности – задачи, которые стоят перед республикой Башкортостан, как представительницей полиэтнического региона.

Анализ научной литературы и источников средств массовой информации об этнической среде и межнациональных отношениях в Республике Башкортостан показал, что все высказываемые мнения можно объединить в две противоположные позиции. Так, исследователи, публикующиеся в Республике Башкортостан, считают, что в

республике сложилась благоприятная этническая среда и дружеские межэтнические отношения. Более ста национальностей проживают в согласии и сотрудничестве, сохраняя свою самобытность. В частности, Г. Шакурова отмечает, что в какой-то степени наблюдается ассимиляция коренного населения [8]. Напротив, ученые «со стороны» настаивают на том, что определенные проблемы межэтнического характера все же существуют. Обусловлены эти проблемы этнической идентичностью населения, а также имеют лингвистический характер [7].

Рассмотрим некоторые из них. В средствах массовой информации не редки высказывания об искусственном увеличении башкир. Последовавшие после 1926 года переписи населения показывают рост численности башкир. С 1926 года по 2002 год численность башкир увеличилась на 959,8 тыс. человек по России и достигла 1673,4 тыс., т. е. выросла в 2,28 раза, а в самой республике – на 595,5 тыс. человек. Рост численности башкир в этом случае объясняется повышением жизнестойкости коренного населения республики [6].

Такие данные Всероссийской переписи 2002 года объясняются и с другой точки зрения. Татарская общественность в республике утверждает, что появление «новых» башкир во время переписи 2002 года произошло не по мановению волшебной палочки, а в связи с «исчезновением» татар.

Много споров ведется и вокруг Всероссийской переписи населения 2010 года. В республиканских СМИ, включая радио и телевидение, особенно часто поднимаются вопросы о том, каким же образом в республике будет проходить учет численности основных этнических групп. При этом многие передачи и публикации имеют явно выраженную тенденциозную направленность, превращая тем самым перепись из чисто технического мероприятия в разряд политических. Высказываются мысли о том, что не исключена искусственная приписка башкир, тем более что в 2002 году такое явление уже наблюдалось. Статистик Виктор Переведенцев рассказывает, что происходила подтасовка цифр. В Уфе подгонка под контрольные цифры достигалась путем искусственной башкиризации [6]. Более того, госсоветник Президента Республики Башкортостан С.Н. Лаврентьев заранее огласил будущий процентный состав населения республики, который, по его словам, не будет иметь кардинальных изменений от прежнего процентного состава. Дана и контрольная цифра,

указующая на долю башкир в республике, которая должна быть получена при переписи, – 41%. Ясно, что увеличить число «башкир» можно только за счет записи татар башкирами. Если данная цель будет достигнута, будет достигнута и другая цель – снижения численности татар в республике на 600 тысяч человек [4].

Следует также отметить мощную агитационную кампанию в республике накануне Всероссийской переписи 2010 года. Несколько месяцев через республиканское телевидение велась массированная атака на сознание татарского населения, призванная убедить татар записаться башкирами во время переписи.

На этнополитическую обстановку в современном Башкортостане оказывает и лингвистическая проблема, имеющая несколько аспектов. В результате совместного проживания башкир, русских и татар, их культурного взаимодействия, башкирский язык подвергся заметному влиянию, приобрел новые особенности. Этому способствовал значительный численный перевес татар над башкирами в западных и северо-западных районах республики. В результате язык этой группы башкир приобрел новые особенности в словарном составе, фонетике, благодаря чему язык северо-западных башкир признается и рассматривается лингвистами как особый диалект башкирского языка. В этой связи, можно говорить о процессе ассимиляции башкирского народа среди русских и татар. В этом прослеживается внутриэтническая проблема, выразившаяся в разрыве между северо-западными и юго-восточными башкирами. В 20-е годы XX века, когда вырабатывались нормы башкирского литературного языка, за его основу был взят диалект юго-восточных башкир и не были учтены особенности языка северо-западных башкир. В этой обстановке по мере развития литературного языка увеличился разрыв между указанными группами башкирского народа. Эта была ошибочная, по признанию многих исследователей, этноязыковая политика в Башкортостане в первые годы советской власти.

Также существует проблема незнания своего родного языка башкирами, разговорная и деловая речь которых ограничивается только русским языком. Пути решения этой проблемы уже предприняты. Так, с 1997 года в общеобразовательных школах республики предусмотрено обязательное изучение башкирского языка. Все ученики с первого по одиннадцатый классы изучают башкирский язык

как государственный по два часа в неделю.

Проблема обязательного для всех учеников изучения в школах Башкирии башкирского языка в последнее время вызвала острую полемику в обществе. С одной стороны, введение обязательного предмета «башкирский язык» в программу основного общего образования объясняется тем, что государственными языками Республики Башкортостан являются русский и башкирский языки: башкирский язык как язык башкирской нации, реализовавшей свое право на самоопределение, русский язык как государственный язык Российской Федерации. Но с другой стороны, обязательное изучение башкирского языка представителями других национальностей является ущемлением их прав.

Между тем, Закон РБ «О языках народов Республики Башкортостан» от 15 февраля 1999 г. № 216-З гласит, что граждане республики имеют право на выбор языка воспитания и обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, также имеют право на получение среднего (полного) образования на родном языке [1]. В этом прослеживается противоречие между нормами права и проводимой в республике политикой, а также несоответствие юридически закрепленных норм фактически существующей обстановке.

В местных СМИ и блогосфере появились жалобы родителей русской национальности. Местные источники пишут: «Когда родители выражали свое нежелание получать ту или иную образовательную услугу, им настоятельно

рекомендовали сменить место жительства». Как сообщает издание «Открытая Уфа», на основании жалоб родителей в школах республики проводилась прокурорская проверка и проверка Рособнадзора, обе процедуры выявили ряд нарушений. Однако местные наблюдатели говорят, что ситуация до сих пор остается острой. Некоторые политики в республике высказывают мнение, что насильственное изучение истории, культуры, языка способствует полному отторжению всего национального компонента нетитульными нациями, при одновременном формировании неоправданной гордости за свою национальность, что в будущем может иметь отголоски событий, имевших место на Манежной площади в Москве в конце 2010 года.

Представляется, что проблема лежит в форме ее подачи, ведь само по себе изучение своего родного языка не может иметь ни отрицательного, ни положительного влияния. Это проблема выбора носителя этого языка.

Можно констатировать, что в Республике Башкортостан ведется целенаправленная политика по поддержанию мира и дружбы народов, этносов. Является нормальным наличие двух противоречивых взглядов на оценку данной политики общественным мнением, точно также как и само наличие проблем. Несмотря на существующие проблемы, важным является то, что регион является более менее успешным в осуществлении национальной политики, с низким уровнем межэтнических конфликтов, выгодно отличаясь стабильностью и спокойствием.

Список литературы

1. <http://karim-yaushev.ru>
2. Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Республика Башкортостан. – 2004. 8 декабря.
3. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Уфа, 1914. Ч. 2. Таблицы.
4. Некрасова Е. Татарская общественность решила: фальсификации на пройдут! // Открытая Уфа. – 2010. – № 9.
5. Советская Башкирия. 1999. 6 апреля.
6. Файзуллин Ф., Бикташев С. Региональные межэтнические отношения: проблемы и пути их решения // Ватандаш. – 2007. – №4.
7. Халим А. Новая «Книга печали», или далеко ли от Мензелинска до Гааги? – Уфа, 2003.
8. Шакурова Г. Этническая идентичность современных башкир // Ватандаш. – 2005. – №9.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

БОГОМОЛОВ Сергей Александрович,
доцент кафедры теории и истории государства
и права юридического факультета Ульяновского
государственного университета,
кандидат исторических наук
E-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное
право, муниципальное право

ФЕДЕРАЦИЯ И ИМПЕРИЯ КАК КОНЦЕПТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

***Аннотация.** Данная статья посвящена исследованию теории империи и федерации как концептов территориальной организации государственной власти в многоэтнических государствах континентальной Евразии. Автор подчеркивает основные недостатки современной теории федерализма. Автор приходит к заключению о том, что теория империи может быть использована для объяснения и формулирования тенденций оптимального развития российского государства. Британская и Российская империи могут быть интересны, как примеры различных моделей данных тенденций и процессов.*

***Ключевые слова:** федерация, территориальная организация государства, Британская империя, Российская империя.*

BOGOMOLOV S.A.

THE FEDERATION AND THE EMPIRE AS THE CONCEPTS OF THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF THE STATE POWER

***The summary.** This article is devoted to the study of theory of Empire and Federation as concepts of territorial organization of the state power in the multiethnic states of continental Eurasia. The author distinguished the basic defects of the modern theory of federalism. This author comes to the conclusion that the theory of the empire can be served for explaining and formulating of the tendencies of optimal development of Russian state. British and Russian empires had been much interested as examples of different models of this tendencies and processes.*

***Key words:** federation, territorial organization of the state, British empire, Russian empires.*

Одной из важнейших теоретических проблем современного этапа развития российского федерализма является необходимость создания такой модели территориальной организации государственной власти, которая способна обеспечить стабильное и эффективное взаимодействие центра и регионов. На наш взгляд, аксиоматичным является утверждение, что стабильность территории континентальной Евразии может поддерживать только единое

государство, способное объединить все этнические и конфессиональные группы, проживающие на данной территории. Очевидно, что дестабилизация, не говоря уже о распаде Российской Федерации, сделает невозможным как использование природных ресурсов, так и элементарное выживание любых групп населения и в европейской, и в азиатской части России. Поэтому приоритетом государственного строительства должно стать обеспечение единства,

управляемости и координации действий центра и регионов.

На рубеже XX – XXI веков внутренние кризисные условия формирования российского федеративного государства совпали с внешним кризисом трансформации всей системы миропорядка. В ходе быстро развивающейся глобализации стало очевидным несоответствие новым условиям классической модели территориальной организации национального государства. Эта модель возникла в Западной Европе в XVI – XVII веках, на рубеже Средневековья и Нового времени, и была впервые осмыслена авторами школы естественного права. Так, Т. Гоббс понимал такое национальное государство как «искусственного человека» (Левиафана) или как абстрактную корпорацию. В таком государстве управленческий аппарат представлял собой формализованную бюрократическую структуру, в которой индивиду-функционеры отделялись от выполняемых управленческих функций. Одновременно государство отделялось от гражданского общества, а публично-правовая сфера – от частно-правовой [2].

Формализация государственного управления была непосредственно связана с формализацией территориальной организации государственности, а государственное строительство – с национальным строительством. В XVI – XVII веках впервые в истории человечества в Западной Европе возникли нации, как устойчивые общности, отличающиеся единством этнического происхождения, исторической традиции, экономических интересов, политико-правовой системы, религии, языка и культуры. При этом нации формировались и развивались в формально определенных территориальных пределах. Национальная общность в первую очередь отождествлялась с территориальной общностью, а государство определялось в соответствии с его территориальными границами. Обеспечение государственной безопасности в первую очередь зависело от безопасности его внешних границ. В историческом соревновании с другими формами организации государств европейские национальные бюрократические государства доказали свои преимущества и смогли уничтожить как европейские, так и афро-азиатские династические монархии, в которых управленческий аппарат отождествлялся с личностью монарха и его семьи, а охрана

территориальной целостности и безопасности не считалась главной задачей государства.

Великобритания, Голландия, Франция, Германия и другие европейские национальные государства в Новое время смогли провести успешную колониальную экспансию, сформировали империи в Азии и Африке и получили дополнительные ресурсы для развития. Но на рубеже XIX – XX веков европейские колониальные империи перестали обеспечивать задачу эксплуатации колоний, и в ходе I и II мировых войн были разрушены.

В свою очередь, на рубеже XX – XXI веков исчерпали ресурс своего развития и классические национальные государства. В условиях нового этапа глобализации такие государства быстро теряют способность эффективно контролировать транснациональные потоки информации, материальных и финансовых ресурсов, а также миграции населения. Террористические акты 11 сентября 2001 года в США продемонстрировали неспособность самого мощного национального государства обеспечить безопасность главного финансово-экономического центра на собственной территории. Эти теракты стали «вершиной айсберга», продемонстрировав всему миру очевидный факт – национальные государства, сформированные в XVI – XVII веках, не могут справляться с вызовами и угрозами XXI века.

Обратной стороной глобализации стала регионализация. В условиях формирования универсальной культуры, привязанной к стандартам западной цивилизации, практически все незападные этнические общности в той или иной степени продемонстрировали реакцию отторжения чуждых ценностей и поведенческих моделей. Это проявилось в разнообразных сепаратистских и антиглобалистских движениях, в «парадах суверенитетов» и т. д. Но малые этносы оказались не в состоянии организовать государства на больших территориях. Это вызвало неуправляемые процессы дробления неэффективных государств (Советский Союз, Югославия и т. д.), появление многочисленных «несостоявшихся» и «непризнанных» псевдогосударств, хаос вооруженных конфликтов, активизацию транснациональной преступности.

В рамках евразийского территориального массива особая роль принадлежит Урало-Поволжскому региону, как его геополитическому центру и одновременно зоне исламо-христианского «фронтiera». При этом Урало-Поволжский регион

непосредственно соприкасается с Центральной Азией, т. е. с исламской «дугой нестабильности». Такое геополитическое положение превращает регион в зону потенциального «разлома» и «столкновения цивилизаций» (по негативному сценарию С. Хантингтона). Таким образом, Урало-Поволжский регион выполняет функцию несущей конструкции для всего континентального сооружения и поэтому задачи стабилизации экономической и политической ситуации в нем переоценить невозможно.

Историческими формами территориальной организации государственной власти в континентальной Евразии были тюрко-монгольские кочевые империи, Российская империя и Советский Союз. После распада СССР в 1991 году была поставлена задача формирования российского демократического федеративного государства. При этом в основу Конституции Российской Федерации в 1993 году была положена модель американского кооперативного федерализма, которая соответствует исторической традиции формирования США и англосаксонской правовой семье. Советник Аналитического управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации М.В. Глигич-Золотарева справедливо подчеркивает несоответствие американской модели российской исторической традиции и реалиям отечественного (континентального) права. Американская федерация формировалась «снизу», как добровольное объединение суверенных государств (states). Американские штаты в рамках конституции 1787 года создали институты совместного ведения и сформировали правовой механизм сотрудничества государственных органов федерального центра и регионов в осуществлении совместных полномочий [8, стр. 123-124].

Российская Федерация формировалась «сверху», посредством децентрализации СССР, социалистического унитарного государства, которое прикрывалось формальным «фасадным федерализмом». Естественно, механическое применение американской модели не позволило создать эффективную модель сотрудничества центра и регионов, но зато привело к множеству конфликтов из-за раздела полномочий и предметов ведения, которые, как правило, разрешались неправовыми методами или не разрешены до настоящего времени.

Следует отметить, что в настоящий момент и в

западном, и в отечественном государствоведении отсутствует единая и общепринятая теория федеративного государства. Один из ведущих специалистов в данной области Дж. Элазар, работающий в Институте межправительственных отношений Королевского университета г. Кингстона (Онтарио, Канада), дает предельно общее определение федерализма, как принципа организации государственной власти, обеспечивающего диалектическое взаимодействие единства и многообразия общественных структур. Во-первых, он описывает федерализм в узком смысле, как форму государственного устройства (федерацию) и как способ взаимоотношений различных уровней государственной власти. Во-вторых, он определяет федерализм в широком смысле, как разновидность политических движений, выступающих за формирование федеративных отношений центра и регионов, за демократизацию государственно-политической системы, за развитие институтов гражданского общества и муниципального самоуправления [12].

Дж. Элазар отмечает, что основной тенденцией развития мирового федерализма в XIX – XX веках является переход от «децентрализованной» к «нецентрализованной» модели, от «пирамидальной» к «матричной» структуре государственности. Дисперсия властных полномочий среди региональных центров должна регламентироваться конституцией, а не произволом политиков (по принципу «дали – забрали»). В США, Канаде, Швейцарии и других западных федерациях шел переход от дуализма «центра – периферии» к кооперации центров принятия решений и властной компетенции. Условием сохранения стабильности подобных «матричных» федераций автор считает правовой характер государства, т. е. способность регулировать неизбежно возникающие конфликты в рамках конституционных согласительных процедур, по принципу «максимальное соглашение – минимальное принуждение» [5].

Теорию федерализма Дж. Элазара можно существенным образом дополнить теорией секвенциального (т. е. последовательного, упорядоченного) управления кризисным модернизирующимся обществом Л. Биндера и его коллег. Эти авторы доказывают, что государственный контроль и управление обществом, которое сегментировано в географическом, политическом, правовом, экономическом и социальном пространствах, возможно только при

последовательном и своевременном разрешении кризисов.

При повышении степени дифференциации (структурного разнообразия) элементов (субъектов федерации) требуется повышение равенства в распределении ресурсов между ними, а это, в свою очередь, возможно только при повышении уровня интеграции всей системы федеративного государства. В условиях глобализации и роста внешних деструктивных импульсов только эффективная модернизация, как процесс повышения адаптивного потенциала государства, может обеспечить преодоление кризисов. Л. Биндер определяет возникающий «модернизационный синдром» как основное противоречие требований дифференциации и интеграции федеративной системы. Разрешение такого противоречия возможно только через совершенствование институтов государственного механизма, которое в состоянии ускорить процесс принятия и улучшения качества управленческих решений [1].

Очевидно, что формирование федеральной структуры является единственной альтернативой распаду государства, включающего многочисленные этнические и конфессиональные группы, состоящего из регионов, которые находятся в принципиально различных геополитических условиях. В то же время следует отметить, что федеративное государство сможет обеспечить необходимый уровень внутренней консолидации и внешней безопасности, только если будет обладать эффективным институциональным механизмом координации общегосударственной политики и региональных интересов. Общая теория федерализма Дж. Элазара не дает технологии формирования такого механизма.

М.В. Глигич-Золотарева приводит содержательный анализ отечественной литературы по проблемам федерализма. Она выделяет 30 видовых признаков федеративного государства, но после тщательного анализа приходит к выводу, что только 5 из них присущи федеративным государствам. Другие 25 признаков либо дублируют друг друга, либо принадлежат к родовым признакам государства вообще, либо носят идеологически-оценочный характер (5). Автор определяет федеративное государство как «закрепленную конституцией форму государственного устройства, подразумевающую формирование государства из территорий его членов, обладающих особым статусом и набором прав, собственной правовой

системой, а также возможностью участия в принятии ключевых общегосударственных решений на федеральном уровне» [8, стр. 25-33].

Автор придерживается классической типологии форм государства, различая федерации, конфедерации и унитарные государства. На наш взгляд, в условиях эрозии классической модели национального государства данная типология все больше перестает соответствовать современным реалиям. В первую очередь, сомнительным выглядит принципиальный отказ учитывать влияние этнического фактора на формирование состава федеративного государства и на статус самих субъектов федерации [8, стр. 109].

Кроме того, М.В. Глигич-Золотарева приводит общепринятое различие симметричных и асимметричных федераций. Она определяет асимметричную федерацию как государство, в котором, с одной стороны, субъекты юридически или фактически неравноправны, а с другой – включены территориальные образования, не обладающие статусом субъектов (союзные территории, округа, ассоциированные государства и т. д.). Следует отметить, что такие асимметричные федерации практически невозможно отличить от унитарных государств, в которых, по мнению автора, также присутствуют административно-территориальные образования, но которые не могут участвовать в принятии общегосударственных решений [8, стр. 115-116]. В данном случае непонятно, зачем в унитарных государствах выделять автономные сегменты, если этническую и другую региональную специфику в государственном строительстве можно игнорировать. Непонятно также, можно ли считать демократическими такие государства, в которых регионы имеют свои специфические интересы, но при этом отстранены от участия в управлении государством.

Решение подобных проблем представляется возможным при введении в теоретический дискурс категории империи. Федерация и империя могут рассматриваться как альтернативные модели территориальной организации государственной власти на больших пространствах с высокодифференцированным составом населения и высокой степенью различия геоэкономических и геополитических условий. При этом необходимо освободить данные категории от идеологической эмоционально-психологической «нагрузки», связанной с историческим опытом функционирования конкретных федеративных и

имперских государств. Имперские государства возникли раньше федеративных, и поэтому автоматически приобрели образ антигуманных и варварских деспотий. Федерации возникли позже и стали ассоциироваться с правовыми государствами и демократическими политическими системами.

Необходимо подчеркнуть, что изначальное значение этих терминов не несет никаких оценочных, позитивных или негативных смыслов. Термин «федерация» происходит от латинского «foederatio», что означает союз или объединение, а «империя» – от «imperium», что означает власть. М.В. Ильин считает, что уже в Древнем Риме впервые возникла классическая схема империи, включающая элементы, сохранившиеся во всех последующих. Центром империи была столица – Рим (urbs Romana), его окружало как подчиненное пространство (Pax Romana), так и союзнические общности (dominia). В состав империи могли быть включены зависимые полусуверенные политии (provincia). Все имперские владения окружала граница – защитные валы (limiti) и полоса военных поселений наемных варваров (limitrophi fundi). Первое федеративное объединение возникло также в Римской империи в 418 г. н. э., как союз императора с королевством вестготов в Аквитании.

Императоры Диоклетиан и Константин совершили переход от горизонтальной (т. е. организованной только в физическом пространстве), к вертикально-горизонтальной (т. е. организованной и в физическом, и в сакральном пространстве) империи. Принятие Константином христианства в качестве государственной религии означало ввод в имперскую административную структуру идеологической вертикали, облегчавшей передачу сверху вниз властных импульсов (imperium) [9].

Сравнительный анализ древних и современных империй позволил Ш.Н. Эйзенштадту вывести предельно общее, абстрактное и поэтому относительно универсальное определение империи. Он считает таковой «политическую систему, охватывающую большие, относительно сильные централизованные территории, в которых центр воплощен как в личности императора, так и в центральных политических институтах, образовывав автономную единицу» [4]. Имперскую политическую систему Ш.Н. Эйзенштадт определяет, как «организацию общества, занимающего определенную территорию, которая обладает легитимной монополией на официальное

использование и регулицию силы» [11].

М.У. Дойль обращает внимание на системные качества империй, как сложных взаимосвязанных образований: «империя – это связь, формальная или неформальная, в которой одно государство контролирует эффективный политический суверенитет другого политического общества. Это может быть достигнуто силой, политическим сотрудничеством, экономической, социальной и культурной зависимостью. Империализм – это упрощенно процесс установления или сохранения империи» [3, стр. 45].

С.И. Каспэ полагает, что империя возникает в ситуации социального кризиса, когда выдвигается харизматик (индивид или группа), выдвигающий имперскую идею – новую программу распоряжения ресурсами общества, позволяющую найти выход из кризиса. Согласно Каспэ, такие новаторы (строители империи) отстраняют от власти традиционную консервативную элиту и опираются на максимально активные профессиональные группы и народные массы.

Автор выделяет группу «критических», т. е. общепризнанных и обязательных, признаков империи. К ним относятся анизотропность институтов власти (т. е. подчинение центром периферии), их связь с харизматической правящей личностью или группой; авторитарный политический режим, социальный порядок, основанный на традиции и не имеющий организационных ограничений; монополизированный характер принятия решений; сочетание разнородности этнокультурной структуры населения и гомогенизации экономического пространства, универсалистской политической практики правящей элиты; территориальная экспансия для захвата ресурсов; представление народа – строителя империи о собственной имперской миссии, т.е. о долге создания и сохранения империи перед всем человечеством [10].

Экспансия является средством развития империи посредством получения новых ресурсов. Силовое подчинение новых территорий приводит, с одной стороны, к уничтожению сопротивляющегося населения, но с другой – к освоению на захваченных территориях принципиально новых ресурсов. Неравноправие имперского центра и колониальной периферии выражается в перераспределении ресурсов в пользу центра. При этом невозможно говорить о

«эксплуатации» колоний, т. к. само формирование империи означает навязывание центром периферии принципиально нового способа хозяйствования и, следовательно, нового типа использования ресурсов. Колонизаторы требуют у населения колоний ресурсы, ценность которых для последних либо сомнительна, либо отсутствует вообще. Классическим примером является обмен первыми европейскими путешественниками у африканцев ситца и гвоздей на золото и драгоценные камни. Русские первопроходцы обменивали у аборигенов Сибири железный котел на такое количество соболиных шкур, которое помещалось в этом котле.

Ситуация изменяется на поздних этапах имперской истории, когда в процессе модернизации выравниваются уровни экономического развития и, соответственно, оценки ресурсов в центре и на периферии. В изменившейся (ставшей единой) системе координат уже можно говорить о поляризации «развитости – отсталости» и о необходимости ее ликвидации. Статичные экстенсивные технологии требуют дополнительные источники однотипных ресурсов, а их поиск и захват на удаленных территориях ведет к росту этнокультурной дифференциации населения. Таким образом, рост объема контролируемых ресурсов приводит к усложнению структуры империи. Решение проблемы выравнивания развития регионов в имперских государствах еще более осложняется «неорганичным» характером их внутренних связей, высоким конфликтным потенциалом, накопленными обидами «завоевателей» и «завоеванных».

Разумеется, в современных условиях нельзя говорить о механическом восстановлении европейских колониальных империй Нового времени или Советского Союза. Речь может идти об использовании имперского опыта организации больших территориальных массивов в условиях внешней нестабильности, обострения борьбы за ресурсы и роста внешних вызовов и угроз. Так, британский историк Н. Фергюссон однозначно позитивно оценивает достижения Британской империи и столь же негативно – итоги «нового империализма» США после 11 сентября 2001 года. Если Великобритания в своих колониях блокировала локальные войны, успешно боролась с террористическими организациями, природными бедствиями и эпидемиями, создавала институты демократии и гражданского общества, то США,

проводя свои «военно-гуманитарные операции» против «падающих государств» Сомали, Ирака и Афганистана, достигли полной неуправляемости этих регионов. Автор полагает, что США заявили о своих претензиях на мировую гегемонию, но им попросту не хватило материальных и человеческих ресурсов для выполнения той имперской миссии, с которой в свое время справилась Великобритания [6].

Советник премьер-министра Великобритании Э. Блэра Р. Купер идет гораздо дальше и в программной статье «Либеральный империализм», опубликованной в «Гардиан» 7 апреля 2002 года, «открытым текстом» заявил о необходимости возвращения от «левого интернационализма» лейбористов к «традиционному империализму». Великобритания, как член «клуба бывших империй», вправе проводить внешнюю политику, основанную на двойных стандартах. В отношениях с «цивилизованными государствами» необходимо придерживаться норм международного права и коллегиальной безопасности. Но в отношениях с «предсовременными государствами» допустимы «сила, хитрость, превентивные удары». Консультант-лейборист считает, что «если мы находимся в джунглях, то должны жить по законам джунглей» [7].

Вряд ли следует считать, что современная Россия находится «в джунглях» и должна проводить внутреннюю и внешнюю политику в духе генералов А.П. Ермолова и М.Д. Скобелева. Но не следует забывать и положительный опыт истории Британской и Российской империй. Во-первых, это наличие определенной методологии экспансии и государственной политики безопасности. Имперский центр захватывал только те территории, которые увеличивали ресурсную базу или обеспечивали безопасность государства. Во-вторых, это сбалансированное использование методов «кнута и пряника» в имперской политике. Репрессии применялись только в ответ на сопротивление, нелояльность или какие-то другие деструктивные действия. Одновременно с этим лояльные элиты и население колониальной периферии получали доступ к имперским ресурсам («прянику»), могли выйти из территориальной изоляции и стагнации, сделать успешную карьеру в столице или других частях империи. В-третьих, это дифференциация статусов, прав и обязанностей регионов на основании «прозрачных» и общепонятных

критериев, в соответствии с их ресурсной базой, уровнем экономического, политического и социально-культурного развития.

Следует отметить высокую степень гибкости и прагматизма в государственно-политических системах Британской и Российской империй в апогее их развития. Так, в составе Британской империи колонии Канады и Австралии во 2-й половине XIX века, достигнув соответствующей стадии развития, объединились в федерации под верховным сюзеренитетом Короны. В этот же период в Российской империи не было предпосылок для формирования демократических и федеративных институтов, но система наместничеств позволила обеспечить относительно стабильное и эффективное управление национальными окраинами империи.

Таким образом, регионы, входящие в состав империи, могут быть однозначно конституированы и классифицированы в соответствии с выполняемыми функциями в государственно-политической системе. Взаимодействие регионов в имперском государстве, в первую очередь,

определяется поляризацией доминирующего центра (метрополии) и подчиненной периферии (провинций, колоний, лимитрофов).

Формирование российского федеративного государства невозможно осуществлять методами механического копирования американской либо какой-то другой модели. Следует учитывать крайне неблагоприятную внешнеполитическую ситуацию, в которой находится Российская Федерация, и чрезвычайно высокий уровень угроз безопасности как отдельным субъектам, так и федерации в целом. В такой ситуации наиболее разумным представляется процесс эволюционного совершенствования отношений центра и регионов с учетом исторического опыта и культурных традиций, без попыток форсирования данного процесса и без определения каких-то жестко фиксированных сроков и этапов. Следует также учитывать, что многовековые традиции не могут быть изменены мгновенно, а попытки таких изменений неизбежно приведут к выходу ситуации из-под контроля и к ее развитию по катастрофическому сценарию.

Список литературы

1. Binder L., Coleman J.S., La Palombara J., Pye L.W., Verba S., Veiner M. Crises and Sequences in Political Development. – Princeton, 1971.
2. Creveld M. van. The Rise and Decline of the State. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
3. Doyle M.W. Empires. – Ithaca: Cornell University Press, 1986.
4. Eisenstadt S.N. Empires. // International Encyclopedia of the Social Sciences. V.5. – N.Y., 1968.
5. Elazar J.D. Federalism and the way to Peace. – Kingston, Ontario (Canada), 1994.
6. Fergusson N. Empire: the Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for the Global Power. – N.Y.: Basic Books, 2004.
7. Guardian, 7.04.2002.
8. Глигич-Золотарева М.В. Правовые основы федерализма. – М.: Юристъ, 2006.
9. Ильин М.В. Слова и смыслы. Деспотия. Империя. Держава // Полис. – 1994. – № 2.
10. Каспэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // Полис. – 1997. – № 5.
11. Эйзенштадт Ш. О цивилизационных принципах в патримониальных, имперских и имперско-феодальных режимах // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. – М.: Аспект Пресс, 1998.
12. Элазар Дж. Сравнительный федерализм // Полис. – 1995. – № 5.

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА

МУСАЕВ Мурад Алаудинович,
заведующий кафедрой адвокатуры Государственной
классической академии им. Маймонида
E-mail: musaev@inbox.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная
власть, прокурорский надзор, организация
правоохранительной деятельности, адвокатура

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ И ПРОБЛЕМЫ МЕДИАЦИИ

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению возникновения, формирования и развития института восстановительного правосудия и медиации. Автор, подробно анализируя имеющиеся проблемы в сфере разрешения конфликтов за счет участия третьей нейтральной стороны, подробно исследует систему восстановительного правосудия с рассмотрением зарубежного опыта, а также формулирует и обосновывает предложения, направленные на совершенствование процедуры медиации в аспекте правоприменительной практики действующего законодательства в обозначенной сфере.*

***Ключевые слова:** восстановительное правосудие; медиация; конфликт; разрешение спора.*

MUSAEV M.A.

RESTORATIVE JUSTICE AND ISSUES OF MEDIATION

***The summary.** The article is concerned with the origin, formation and development of the restorative justice and mediation institution. The author analyzing in detail the existing problems in the area of conflict resolution through the participation of a neutral third party researches thoroughly the system of restorative justice with considering foreign countries' experience as well as formulates and substantiates some proposals aimed at the improvement of mediation procedure in the aspect of law enforcement practice of the current legislation applicable in the designated area.*

***Key words:** restorative justice; mediation; conflict; dispute resolution.*

К концу второй половины XX столетия в научной литературе, да и в практической деятельности правоохранительных органов ряда государств определенную популярность обрела идея т. н. восстановительного правосудия. В её основе лежал поиск новых подходов к преступлению и наказанию, ориентированный на ограничение властных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов и решение последствий преступления самими сторонами с привлечением в необходимых случаях общественных институтов. Восстановительное правосудие рассматривается как движение за справедливость, которое не отменяет, но дополняет официальную форму

правосудия, вовлекая стороны и общественность в решение последствий преступления. Сторонниками восстановительного правосудия отмечаются его значимость в нравственном, организационном и даже финансовом отношениях, что выражается в возможности достижения ряда позитивных результатов.

В частности, восстановительное правосудие:

- позволяет решать конфликты за счёт активного вовлечения конфликтующих сторон;
- содействует удовлетворению обеих конфликтующих сторон;
- трансформирует борьбу между людьми в

- совместную деятельность по решению их конфликта несоперническим способом;
- укрепляет традиции миротворчества и сопереживания;
  - содействует воспитанию общества и закреплению в нём гуманистических ценностей;
  - обеспечивает скорейшее возмещение морального и материального ущерба, причинённого конфликтной ситуацией;
  - частично освобождает правоохранительные и судебные органы от перегруженности мелкими делами и дает возможность сосредоточиться на делах более серьезных;
  - экономит бюджет государства и время профессионалов уголовной юстиции.
  - способствует социальной реинтеграции преступника и уменьшению количества уголовных наказаний.*

В ряде стран – Канаде, США, Австралии и Новой Зеландии, Австрии, Бельгии, Великобритании, ФРГ, Норвегии и Финляндии, Польше и Чехии – восстановительное правосудие было принято и внедрено на уровне национального законодательства. Одним из основных методов реализации идеи восстановительного правосудия являются примирительные процедуры, объединяемые понятием медиации. Институт медиации означает, как правило, временный отказ от возбуждения обвинения и замену принудительного возмещения причиненного преступлением вреда в порядке уголовного или гражданского судопроизводства его добровольным возмещением виновным соответственно соглашению, достигнутому им с потерпевшим.

Институт временного отказа от возбуждения публичного обвинения и наказания обвиняемому предусмотрен, в частности, § 153a УПК ФРГ, содержание которого может служить в данном случае иллюстрацией. Его суть сводится к тому, что прокурор с согласия суда и самого обвиняемого вправе временно отказаться от возбуждения публичного обвинения, одновременно возложив на обвиняемого обязанность возместить причиненный преступлением вред либо выполнить определенную работу с целью загладить вред, причиненный преступлением, выполнить иную общественно полезную работу, выплатить определенную денежную сумму в государственную казну. В случае исполнения возложенных обязанностей обвиняемым в установленный срок прокурор

полностью отказывается от возбуждения публичного обвинения. УК ФРГ предусматривает право суда отказаться от назначения наказания при условии возмещения виновным вреда, причиненного преступлением, или при выраженном стремлении к этому (§ 46a).

К соглашению о возмещении вреда стороны могут придти самостоятельно либо воспользоваться помощью посредника – медиатора – в случаях, если за совершение преступления предусмотрено не более строгое наказание, чем лишение свободы на срок до одного года или денежный штраф в сумме до 360 дневных ставок оплаты труда.

В Великобритании для практического урегулирования вопросов возмещения вреда от преступлений на различных стадиях уголовного судопроизводства широко используются процедуры медиации двух основных видов: полицейская медиация и судебная медиация. Полиция вправе до возбуждения уголовного дела передать материалы в Службу медиации, обычно состоящую из работников Службы пробации, представителей общественности и, иногда, представителей полиции. В случае успешного проведения примирительных процедур и заключения соответствующего соглашения о заглаживании вреда полиция освобождает виновного от уголовной ответственности, ограничиваясь обычно предупреждением. Судебная медиация, как институт уголовного процесса, используется по категориям уголовных дел, рассматриваемых судами. Особое значение судебная медиация имеет для ювенальной юстиции. Ее суть состоит в отложении судом вынесения окончательного приговора и назначения наказания до проведения медиационных процедур. Суд вправе отсрочить с согласия подсудимого назначение наказания на срок до 6 месяцев для возмещения им ущерба. Вместе с тем судебная медиация не является альтернативой уголовной ответственности лица, поскольку в случае успешного проведения медиационных процедур суд вправе лишь смягчить меру наказания.

Во многих государствах Запада предусматривается возможность инициирования должностными лицами – полицией, прокуратурой, судом – примирения потерпевшего с обвиняемым, а также введен процессуальный контроль за характером обязательств причинителя вреда, условиями и сроками их исполнения. Нарушение причинителем вреда условий соглашения,

принятого в результате медиации, влечёт для него последствия в виде официального обвинения и рассмотрения уголовного дела в обычном порядке.

Возможность использования примирительных процедур в качестве альтернативы репрессивному правосудию предусматривается в ряде международно-правовых актов, включая «Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью»**. В последней отмечается: «П. 4. К жертвам следует относиться с состраданием и уважать их достоинство. Они имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством. П. 5. В тех случаях, когда это необходимо, следует создать и укрепить судебные и административные механизмы, с тем чтобы обеспечить жертвам возможность получать компенсацию с помощью официальных и неофициальных процедур, которые носили бы оперативный характер, являлись бы справедливыми, недорогостоящими и доступными. Жертв, стремящихся получить компенсацию с помощью таких механизмов, следует информировать об их правах. П. 7. В тех случаях, когда это необходимо, следует использовать неофициальные механизмы урегулирования споров, включая посредничество, арбитраж и суды обычного права или местную практику, с тем чтобы содействовать примирению и предоставлению возмещения жертвам».

В российском уголовном судопроизводстве институт примирения обвиняемого с потерпевшим до 1996 года применялся лишь по делам частного обвинения. Федеральный закон от 21 декабря 1996 года внес в уголовно-процессуальное законодательство существенные изменения. Одно из них касалось возможности примирения обвиняемого с потерпевшим не только по делам частного, но и по делам публичного и частно-публичного обвинения. Новая редакция ст. 9 УПК РСФСР предусматривала право суда, прокурора, следователя и органа дознания «прекратить уголовное дело в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой тяжести, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред». Это не только давало надежду на сокращение нагрузки следователей и дознавателей и способствовало в известной мере обеспечению интересов потерпевшего, но и явилось первым шагом в

реализации идеи восстановительного правосудия.

УПК РФ 2002 года в этом отношении продвинулся несколько далее. Так, ст. 25 УПК РФ устанавливает: «Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред». Казалось бы, в этом случае прекращение уголовного дела иницируется самим потерпевшим, и оснований беспокоиться о соблюдении его интересов нет. Однако на практике возможны различные последствия такой инициативы, связанные с введением потерпевшего в заблуждение, его обманом, невыполнением обвиняемым взятых на себя обязательств и т. п.

Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием также нуждается в механизме обеспечения интересов потерпевшего, чего, к сожалению, ст. 28 УПК РФ не предусматривает, что является её существенным недостатком. «Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе прекратить уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных частью первой статьи 75 Уголовного кодекса Российской Федерации». Статья 75 УК РФ предусматривает ряд условий для принятия такого решения, включая соблюдение интересов потерпевшего: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». Письменного согласия потерпевшего на прекращение дела в этом случае, как видим, не требуется. Но если бы оно и было предусмотрено, и потерпевший без принуждения давал бы согласие на прекращение уголовного

преследования обвиняемого, он не может быть уверенным в том, что последствия в любом случае окажутся для него благоприятными.

Как видим, уголовно-процессуальное законодательство РФ, развиваясь по пути сокращения репрессивных начал в интересах, казалось бы, не только обвиняемого, но и потерпевшего, не предусмотрело гарантий прав потерпевшего в случаях прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. УПК РФ не ввёл в свою ткань сами примирительные процедуры, не предусмотрел порядок оформления соглашений о примирении и способов контроля их исполнения. Иными словами, сделаны первые шаги к формированию института медиации, но сам институт ещё не создан и остается пока в сфере доктринальных поисков.

В отечественной юридической литературе последних лет медиация пока лишь пропагандируется как способ реализации идеи «восстановительного правосудия», ограничивающего сферу карательного разрешения уголовно-правовых конфликтов. Значение такого подхода подчеркивается в отечественных научных публикациях, не без оснований видится в сокращении конфликтов через примирение сторон, психологическом исцелении жертвы преступления и создании дополнительных условий обеспечения интересов потерпевшего от противоправных посягательств [3]. С использованием медиации достигается решение не только указанных выше задач, но и сокращается контингент судимых и государственные расходы на их содержание.

Внедрение института медиации в отечественную практику уголовного судопроизводства, несомненно, весьма желательно. Вместе с тем имеется настоятельная необходимость в разработке процессуального регламента этого института. В зарубежной практике, как мы уже отметили, переговоры при успешном исходе завершаются составлением соглашения с указанием условий примирения, размеров, порядка и сроков выплаты компенсации материального и морального ущерба. Справедливость и законность соглашения проверяется судом. В случае нарушения условий соглашения причинителем вреда производство по уголовному делу возобновляется со всеми вытекающими последствиями.

Попытки разработки правового регламента медиации имеются, но выглядят не всегда убедительно, более того, часто представляются

неприемлемыми. Так, в публикациях и кандидатской диссертации А.М. Понасюк предлагается институт медиации закрепить в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Медиатором в этом случае должен выступать адвокат, как лицо профессионально компетентное. [4, стр. 26-31; 5] Автору следует отдать должное: он предложил ряд дополнений в закон «Об адвокатской деятельности...» по поводу условий адвокатской медиации, гарантий объективности и беспристрастности адвоката, организации специальных подразделений в адвокатуре, оплате труда адвоката-медиатора и пр. Однако, несмотря на эти усилия автора, идея адвокатской медиации остается весьма сомнительной. И законодательство об адвокатуре, и Кодекс профессиональной этики адвоката не позволяют ему быть представителем сразу двух сторон с несовпадающими интересами. Результаты его посреднических услуг могут быть оспорены заинтересованной стороной под предлогом необъективности адвоката. Кроме того, автором не предложены нормы процессуального закрепления результатов медиации и способов контроля выполнения достигнутого соглашения.

В работах В.В. Дубровина, затрагивающих проблему медиации в связи со способами компенсации вреда потерпевшего от преступления, приводятся убедительные, отчасти уже известные, аргументы в пользу этого института, указывается и на необходимость отражения его в уголовно-процессуальном законодательстве. В частности, предлагается заявление о примирении потерпевшего с обвиняемым или подозреваемым оформлять в виде процессуального документа, определять сроки по выполнению обвиняемым принятых обязательств, устанавливать порядок компенсации морального вреда и пр. Автор подкрепляет свои соображения ссылками на результаты опроса специалистов. В целом, институт примирения сторон, отмечает им, не противоречит принципам уголовно-процессуального права, что подтверждается результатами анкетирования, согласно которым 60 % опрошенных судей и 55 % опрошенных следователей поддерживают эту идею. На целесообразность включения в УПК РФ норм о возможности участия посредников указывают 90 % опрошенных судей и 100 % следователей. [2, стр. 217-222]

Нет сомнений в том, что примирение сторон содержит в себе значительные преимущества для потерпевшего. Он мог бы своевременно получать

моральное удовлетворение от извинений лица, совершившего преступление, и иных его действий, направленных на примирение. У потерпевшего появляется реальная возможность выражать свои требования, связанные с заглаживанием причиненного вреда непосредственно лицу, этот вред причинившему. Появляется правовая основа для выработки взаимоприемлемых условий, порядка и сроков совершения подозреваемым (обвиняемым) конкретных действий, направленных на заглаживание вреда, – отмечается авторами, принявшими участие в обсуждении проблем медиации. [1]

Представляется, что медиация должна стать процессуальным институтом с нормативным определением этого понятия, урегулированием порядка проведения примирительных процедур, способов судебного утверждения достигнутого соглашения и порядка контроля его исполнения. Медиаторская служба, подобно институту третейских судов, не должна входить в систему государственных правоохранительных органов и адвокатуру. Это могло бы быть подразделение муниципалитета, формируемое из уважаемых граждан, имеющих определенную юридическую подготовку.

Примечания

- * Декларация «Основные принципы использования программ восстановительного правосудия в уголовных делах» (принята Экономическим и Социальным Советом ООН 24 июля 2002 года); Вестник восстановительной юстиции (index.org.ru/nevol/2005-4/maxud_n4.htm); Посредничество в уголовных делах. Рекомендация № R (99) 19, принятая Комитетом Министров Совета Европы 15 сентября 1999 года; Рустем Максудов. Восстановительное правосудие (Интернет).
- ** Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей.

Список литературы

1. Воскобитова Л.А. Перспективы развития института примирения сторон в уголовном судопроизводстве России // Мировой судья. – 2007. № 1.
2. Дубровин В.В. Гражданский иск и другие институты возмещения вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (международный зарубежный, отечественный опыт правового регулирования): Дисс. канд. юрид. наук. – М., 2010.
3. Карнозова Л., Максудов Р., Флямер М. Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России // Российская юстиция. – 2000. – № 11.
4. Понасюк А.М. Содействие адвокатом примирению сторон уголовного судопроизводства в качестве посредника (медиатора) // Ученые труды РААН. – 2010. – № 3.
5. Понасюк А.М. Участие адвоката в урегулировании юридических споров посредством медиации: Дисс. канд. юрид. наук. – М., 2011.

СОЦИОЛОГИЯ

МАКАРЕНКО Иван Иванович,
аспирант кафедры философии и культурологии
Санкт-Петербургского государственного аграрного
университета,
проректор Санкт-Петербургского Христианского
Университета
E-mail: makarenkoivan@gmail.com

Специальность 09.00.14 – Религиоведение и
философия религии

И.В. КАРГЕЛЬ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ ПРОТЕСТАНТОВ В РОССИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается биография И.В. Каргеля, его деятельность, творчество, духовное подвижничество и влияние на религиозную жизнь в России. Анализируется роль И.В. Каргеля как одного из основоположников социально-религиозного движения в России конца XIX и начала XX вв.*

***Ключевые слова:** герменевтика, протестантизм, евангельское движение, религия, образование, служение.*

MAKARENKO I.I.

I.V. KARGEL AS ONE OF THE FOUNDERS OF SOCIO-RELIGIOUS MOVEMENT OF THE PROTESTANTS IN RUSSIA

***The summary.** The article covers I.V. Kargel's biography, his activity, work, spiritual ministry, and influence upon religious life in Russia. The article represents the analysis of I.V. Kargel's role as one of the founders of socio-religious movement in Russia in the end of XIX - the beginning of XX centuries.*

***Key words:** hermeneutics, Protestantism, evangelical movement, religion, education, service.*

Библейская герменевтика протестантов России – малоизученная тема, поэтому она представляет собой значительный исследовательский интерес. На эту тему опубликовано лишь несколько работ. Крайне мало религиоведческих работ по протестантскому богословию, в отношении творчества Ивана Вениаминовича Каргеля они отсутствуют вообще, а имеющиеся труды носят богословский характер. Известно несколько теоретических работ по анализу герменевтики и экзегетики Каргеля (В.М. Кузнецов «Русские евангельские вероисповедания о кальвинизме»; М.Р. Кузнецова «Герменевтические принципы И.В. Каргеля»; И.И. Макаренко «Анализ Библейской герменевтики И.В. Каргеля»).

И.В. Каргель* – знаковая фигура в истории и богословии протестантской церкви России, поскольку его судьба, творчество, искания и подвижничество отражают реальную историю русского протестантизма конца XIX – начала XX вв. Работы Каргеля известны русскоговорящим протестантам в России и за рубежом. Для многих христиан они до сих пор являются авторитетными и актуальными, поэтому представляется важным изучить его вклад в развитие протестантского богословия. Основными темами его книг, проповедей и лекций было учение о грехе, освящении, Святом Духе, втором пришествии Христа. И.В. Каргель написал ряд значительных трудов и толкований на русском языке, таких

как «Свет из тени будущих благ», «Толкователь Откровения святого Иоанна Богослова», «Закон духа жизни» и др.

Иван Вениаминович Каргель родился в Грузии, в 1849 году. Его отец был немцем, а мама по происхождению – армянкой. Она владела немецким языком, и вся семья Каргеля говорила на немецком языке [3]. По словам его дочерей, их семья имела еще и шотландские корни [4, стр. 6]. Первые годы его жизни прошли в Германии, но по какой причине родители выехали туда после его рождения, неизвестно. Спустя какое-то время семья Каргеля вернулась для проживания на юг России, на Кавказ.

Свое профессиональное образование Каргель получил за рубежом, в Германии, где он обучался на инженера-механика. Богословское образование Каргель также получил в Германии, закончив Гамбургскую протестантскую семинарию. Во время учебы в Германии Каргель посещал европейские страны, в частности некоторое время проживал в Лондоне. После окончания учебы в Германии, Каргель направляется в Петербург, чтобы работать по своей профессии инженера-механика и, возможно, проработал им несколько лет [7]. По причине начавшихся гонений и репрессий на верующих в Советской России Каргель был лишен всех гражданских прав, в том числе и продовольственных карточек. Это означало, что его семью ждет голодная смерть. В 1920 году Каргель был вынужден переехать на новое место жительства на Украину. Его переезд был трудным и долгим – ему пришлось переезжать из города в город, из общины в общину, пока он с дочерьми не добрался до Украины [7]. На Украине Каргель с семьей поселился рядом с городом Сумы, в с. Николаевка. Как и многие верующие в то время, Каргель вместе с дочерьми был репрессирован. Его дочерей, Елизавету и Марию, сослали в сибирские лагеря, а старшая дочь Елена была уже расстреляна после смерти Каргеля в 1938 году. Умер Иван Вениаминович Каргель в 1937 году у себя дома, в возрасте 88 лет (незадолго до смерти его отпустили из тюрьмы).

Протестантские взгляды Каргеля сформировались в молодые годы, когда он вместе с родителями жил в немецких колониях на юге России и посещал собрания меннонитов. В 1869 году, находясь на Кавказе, Каргель принимает крещение в церкви г. Тифлис. Эта церковь была основана миссионером из Европы,

Мартинотом Кальвейтом (1833 – 1918). Община была смешанной: состояла из немцев, русских и представителей других народностей Кавказа. Богослужения проходили на немецком и на русском языках [8, стр. 351]. Крестил Каргеля известный в то время служитель, Никита Воронин (1840 – 1905). Своим духовным отцом и наставником Каргель считал Василия Александровича Пашкова (1831 – 1902)** [3, стр. 5], с которым он познакомился в Санкт-Петербурге. Они были похожи и близки друг другу по характеру, мировоззрению и, самое главное, в стремлении служить Богу и обществу.

В 1870 году, через несколько месяцев после своего крещения, Каргель вместе с другими братьями был принят в одногодичную миссионерскую школу в Гамбурге. Кальвейт представил И.В. Каргеля ее основателю и директору И.Г. Онкену (1800 – 1884) как будущего студента и баптистского лидера. Однако из-за франко-прусской войны школа была закрыта, а занятия отложены до 1872 года. Но и в этом году школа не смогла начать обучение из-за отсутствия финансов. Начались занятия в школе только весной 1874 года [5, стр. 100]. Пока школа была закрыта, Каргель посещал конференции немецких баптистов и меннонитских братьев. В это время он смог познакомиться с известными служителями, с их принципами служения и методами организации евангельских общин. Каргель также принимал участие в миссионерских проектах в Польше, в Сорочинах.

Как отмечает Г. Николсон, Каргель, живя и учась в Германии, на немецкой земле, «прочувствовал» свои немецкие корни. Уклад жизни, язык и культура в Германии разительно отличались от уклада жизни в немецких колониях, которые формировались за пределами Германии на протяжении многих лет. Эта перемена оказала значительное влияние на молодого Каргеля. Приехав в Польшу на служение, Каргель уже был представителем немецкой культуры, немецкой баптистской церкви. В Польше у Каргеля была возможность практиковаться в служении пастора и евангелиста. По мнению Николсона, учеба в семинарии, знакомство с учением Жана Кальвина (1509 – 1564), баптистские и меннонитские церкви оказали сильное влияние на Каргеля. Особенности кальвинистского подхода в служении выражались в сильной власти пастора в церкви и акценте на миссионерство и евангелизм. Позже в служении Каргеля в различных странах и общинах евангелистов возникали проблемы с пониманием

того, как организовывать богослужение. Каргелю требовалась контекстуализация. В своем служении он представлял модель управления и служения германских баптистов.

После завершения учебы в 1874 году Каргеля приглашают на служение в Санкт-Петербург, чтобы возглавить немецкую общину, которая была основана в 1855 году. В течение пяти лет он работает в среде немцев, проживающих в Петербурге. Каргель строит свою общину по немецкой модели, которую усвоил в Германии во время обучения в семинарии и лично у своего учителя И. Онкена. Его служение в этой немецкой общине было весьма успешным. Церковь выросла с 34 членов в 1876 году до 100 членов в 1880 году. Каргель был первым иностранцем, который смог официально зарегистрировать протестантскую общину по новому закону о свободе совести от 1879 года (имеется ввиду постановление Государственного Совета от 27 марта 1879 года, согласно которому евангельские верующие могли «беспрепятственно исповедовать свое вероучение и исполнять обряды по существующим у них обычаям»). Этот закон давал религиозную свободу проживающим в России иностранцам. Во время своего служения среди немцев Каргель часто ездил в Польшу и Германию. Он поддерживал тесные контакты с церквями Германии и библейской конференцией в Гамбурге.

В последней четверти XIX века в Петербурге нарастало евангельское движение. Огромный интерес у петербургской аристократии вызывали проповеди Редстока (1833 – 1913) [6, стр. 63-156], Бедекера (1823 – 1906) и Пашкова (1831 – 1902). В доме княгини Ливен собирались приверженцы «движения святости», такие как Ф. Бедкер, Д.П. Льюис, О. Штокмайер, Г. Гиннес, барон П. Николаи, Д. Мотт, Дж. Мюллер, М. Дафф [5, стр. 98-99]. Основной целью «движения святости» было стремление к усилению духовной жизни верующих в церкви. Само по себе движение не отставало каких-либо богословских, догматических или деноминационных воззрений. Во время ежегодных конференций, девизом которых было «Воедино во Христе Иисусе», делегаты делились друг с другом библейскими знаниями и тем, как они возрастали духовно. На конференциях читались доклады на такие темы, как проблема греха, освящение, посвящение Христу, исполнение Святым Духом. Много внимание уделялось вопросам миссионерской деятельности. «Движение

святости», а также общение с В.А. Пашковым оказали значительное влияние на становление мировоззрения самого Каргеля.

После встречи с Пашковым, общения и служения в доме княгини Ливен у Каргеля стали меняться богословские и деноминационные взгляды. Ранее Каргель был строг в доктрине, в организации и структуре общин. Изменения произошли в сторону личного, внутреннего благочестия и близких отношений с Христом [2, стр. 93.]. В это время Каргель по приглашению выезжает на служение в Болгарию. По свидетельству знавших его людей, Каргель имел пасторское сердце и не боялся ответственности в служении. Поэтому, когда возникла нужда в руководстве общиной, которая собиралась во дворце княгини Ливен, он взялся за пасторское служение, хотя это было и небезопасно. В это время начались повсеместные репрессии со стороны царского режима в отношении всех инославных [8, стр. 351]. Несмотря на высылку из Петербурга руководителей общины Пашкова и Корфа (1843 – 1936) за их евангелизационное служение, Каргель продолжал усердно проповедовать и обучать верующих в домашних группах и индивидуально.

Каргель уделял много времени преподавательской деятельности. Позже он стал известным и признанным педагогом-богословом и приглашался на различные библейские курсы в Петербурге и по всей России. Его основными предметами были догматика, изучение Библии, толкование книги Откровение, эсхатология, апологетика и гомилетика [2, стр. 684-688]. Его любимыми темами в проповедническом служении и преподавании были учение о грехе, о святости, учение о Святом Духе и втором пришествии Христа. Вероятно, интерес к этим темам был вызван влиянием «движения святости», которое он принял и был его сторонником всю свою жизнь. Каргель принимал участие в жизни и организации протестантских союзов в России. Он был главным помощником Пашкова в попытке организовать союз евангельских христиан в России. Попытка не удалась, так как было трудно сразу объединиться таким различным движениям, как евангелисты, баптисты, меннониты, духоборы и штундисты. На все эти группы царский режим вместе с православной церковью оказывал сильное давление, и практически по всей России происходили гонения на неправославных верующих. Позже эта попытка объединения удалась Ивану Степановичу

Проханову (1869 – 1935), который смог объединить разрозненные группы евангельских верующих в Петербурге и в других регионах России. Каргель был активным помощником И.С. Проханова в организации протестантских союзов в России, он помогал в проведении и организации съездов и был председателем на всероссийском объединенном съезде, который состоялся в Петербурге, в январе 1907 года. Даже когда Каргель переехал

в семидесятилетнем возрасте на Украину, он продолжал свое активное служение в течение восемнадцати лет, вплоть до ареста и смерти. Он продолжал читать литературу и писать работы по толкованию библейских книг.

Таким образом, в судьбе, творчестве, исканиях и подвижничестве И.В. Каргеля нашла свое отражение реальная история русского протестантизма конца XIX – начала XX веков.

Примечания

- * **Каргель Иван Вениаминович** (1849 – 1937) – евангелический проповедник и теолог, авторитетный религиозный деятель в среде российских евангельских христиан и баптистов на рубеже XIX – XX вв. Был членом правления Библейского общества в Берлине, вел миссионерскую работу в ряде европейских стран. Распространял духовную литературу в России. В 1870-х гг. приглашен из Финляндии петербургской общиной баптистов в качестве проповедника. Представлял эту общину на первом съезде Союза русских баптистов в 1884 г. Участвовал в организации Союза евангельских христиан (1909). В начале XX в. сотрудничал с Вильгельмом Фетлером (1883 – 1957) в издававшемся им баптистском журнале «Гость» и поддержал его инициативу создания «Братства деяний апостолов» на основе синтеза доктрин общих баптистов и пятидесятников для борьбы с «маловерием в церкви». Это начинание было созвучно идее самого Каргеля об учреждении особого сообщества – «Церкви святых», которое объединило бы «преображенных в образ Христа». Для достижения святости требовалось целенаправленное духовное воспитание верующих, чем всегда старался заниматься Каргель. Им было написано множество религиозно-назидательных работ, толкований к библейским текстам и т. п. Уже в 1920-х гг. он преподавал на Библейских курсах в Харьковской губернии. Сведения о его деятельности в 1930-е гг. почти не встречаются, хотя упоминается, что он продолжал писать на религиозные темы до ареста в августе 1937 г. (в ноябре этого же года скончался).
- ** «В.А Пашков (1831 – 1902), отставной полковник, общественный деятель и владелец тринадцати имений, был главой евангельского движения в Санкт-Петербурге в конце XIX века».

Список литературы

1. [http://slovari.yandex.ru/~книги/Реформация и протестантизм/](http://slovari.yandex.ru/~книги/Реформация_и_протестантизм/)
2. Каргель И. Христос освящение ваше // Собр. соч. – СПб., 2004.
3. Коррадо Ш. Философия служения полковника Пашкова. – СПб., 2005.
4. Ливен С. Краткий очерк жизни и деятельности брата И.В. Каргеля // Путь веры. – 1947.
5. Николс Г. Иван Каргель и пиетическая община в поздней имперской России // Альманах по истории русского баптизма. – СПб., 2009. – № 4.
6. Пузынин А. Традиция евангельских христиан. Изучение самоидентификации и богословия от момента ее зарождения до наших дней. – М., 2010.
7. Скопина И.Н. Из биографии И.В. Каргеля и его дочерей // Собр. соч. – СПб., 2004.
8. Савинский С. История евангельских христиан – баптистов Украины, России, Белоруссии (1867 – 1917). – СПб., 1999.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Мир политики и социологии» публикует научные статьи и материалы различной политической и социологической тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основания для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом направления журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи

1. Статья присылается в электронном варианте.
2. Электронный вариант статьи представляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman», полуторный междустрочный интервал.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.
4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы - в формате Word.
5. Тема статьи – на русском и английском языках.
6. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
7. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
8. Затекстовые ссылки оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются в алфавитном порядке. Сначала указываются нормативные акты, затем материалы на иностранном языке и, наконец, на русском языке. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста/документа, то в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
  - в тексте: [7, стр. 15].
  - в затекстовой ссылке: 7. Чибишев В. М., Макаров Д. А. Эволюция государственности степных народов Евразии и их влияние на становление древнерусского государства. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2008. – 361 с.
9. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
10. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

Всех авторов просим обратить внимание на требования к оформлению статей, поскольку игнорирование хотя бы одного вышеуказанного пункта даёт редакции право отказать в публикации Вашей статьи.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.

4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.
6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом направления журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств ООО «Образовательный центр «СоветникЪ»».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов.
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору.

Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Редакция журнала «Мир политики и социологии»,
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25
тел. / факс: (812) 755-56-58
E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru
www.centersovetnik.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40505

от 01 июля 2010 г.

Название *Мир политики и социологии*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ" (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)*

Заместитель Руководителя

Р.В. Шередин

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций

М.Ю. Ксензов

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017613

Корректор Щурова Е.Ю.
Верстка Ларин Д.А.

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«МИР ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛОГИИ»**

№ 4, 2011

Подписано в печать 20.04.2011. Формат 60 x 84^{7/8}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 5,5 уч.-изд. л.; 5,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 375.
ООО «Образовательный центр «СоветникЪ»

Для заметок